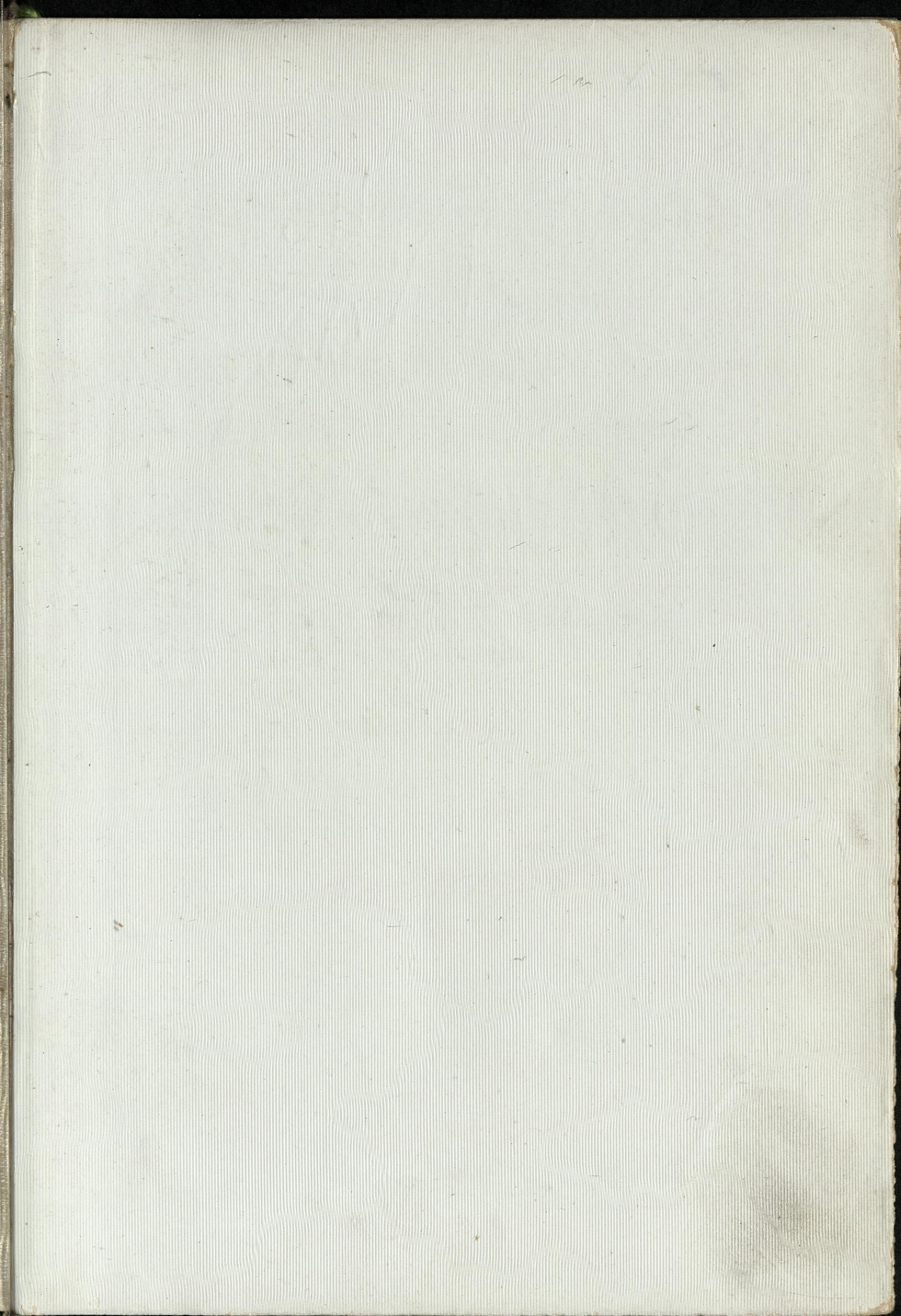

М. ТЪЕДЕРЪ

1117

N 46
935

78.3.
II

105/2/23

2/24

r

~~106/~~

N 46
93

3100/118

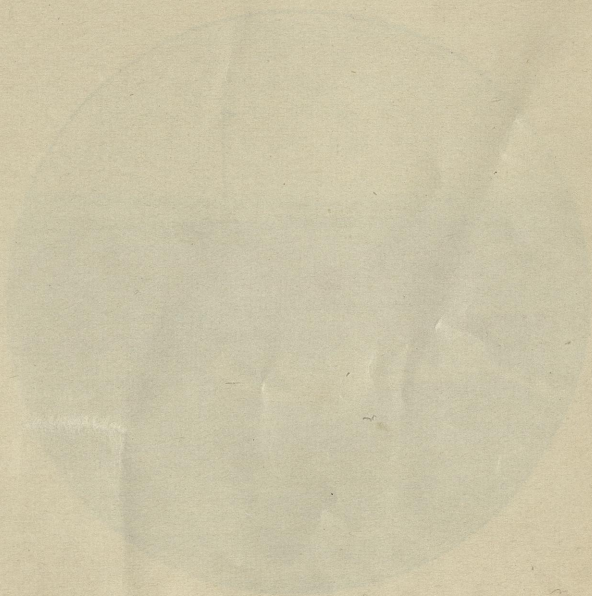
2014104378

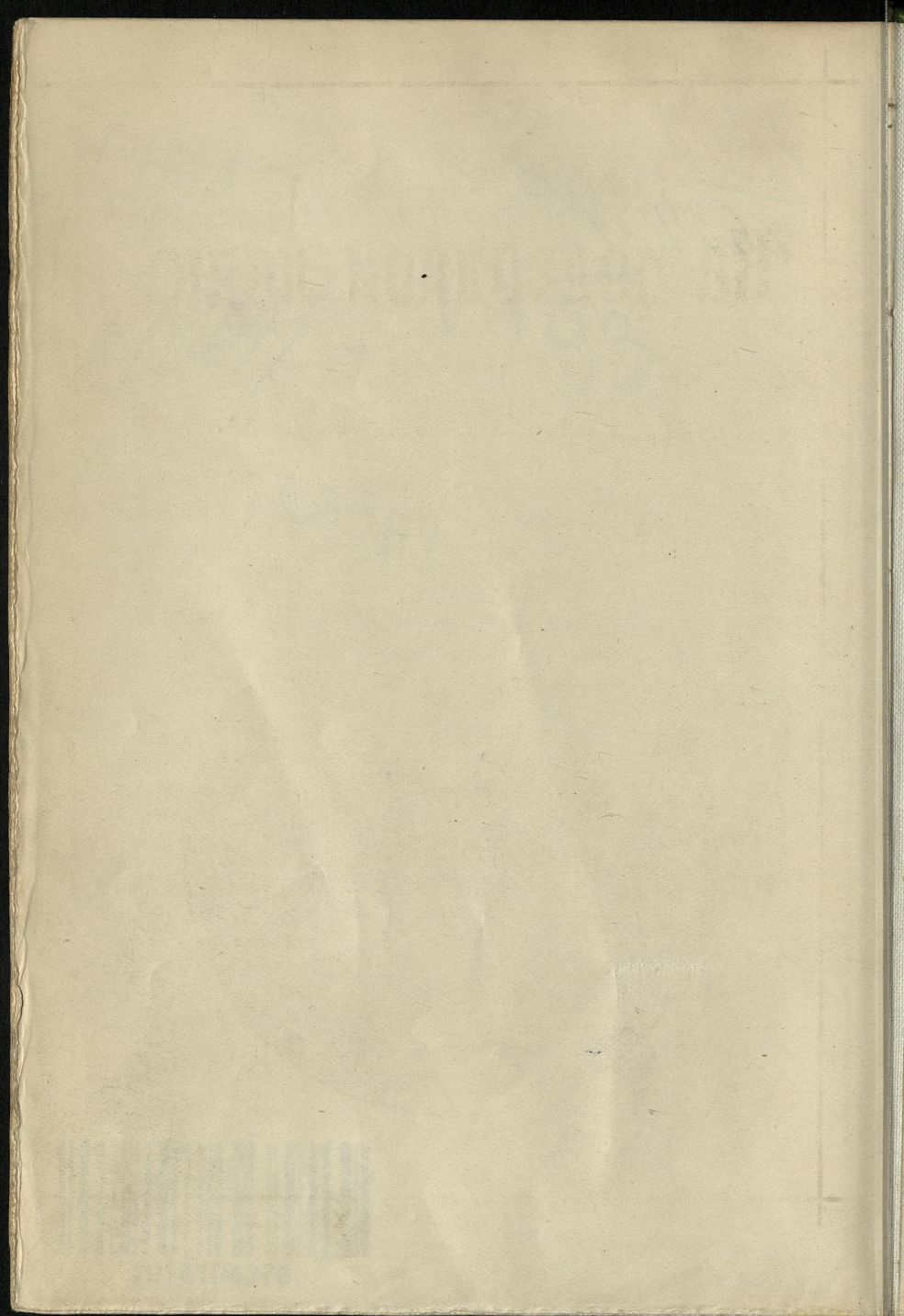
7313
2634 1912

НА ПОДВОДНОЕ ЛОДКЪ

НА ДАВАННА
УПАТНИКА ЗА ПОДВОДНОЕ ЛОДКЪ

ЭМТЕ

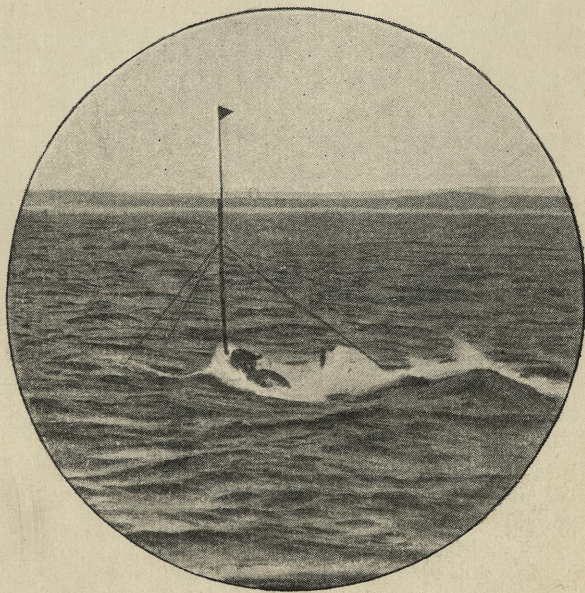

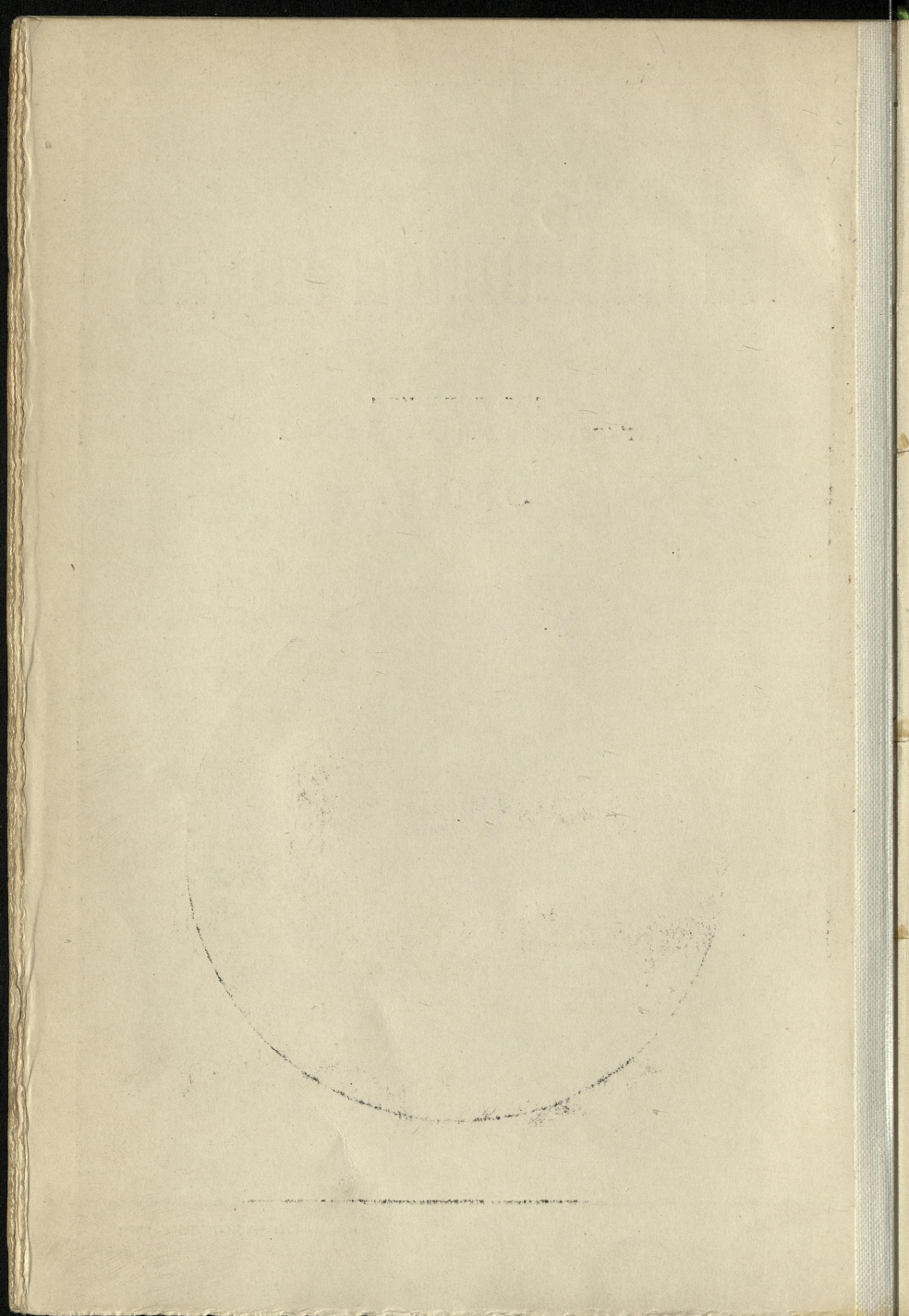
N 46
93

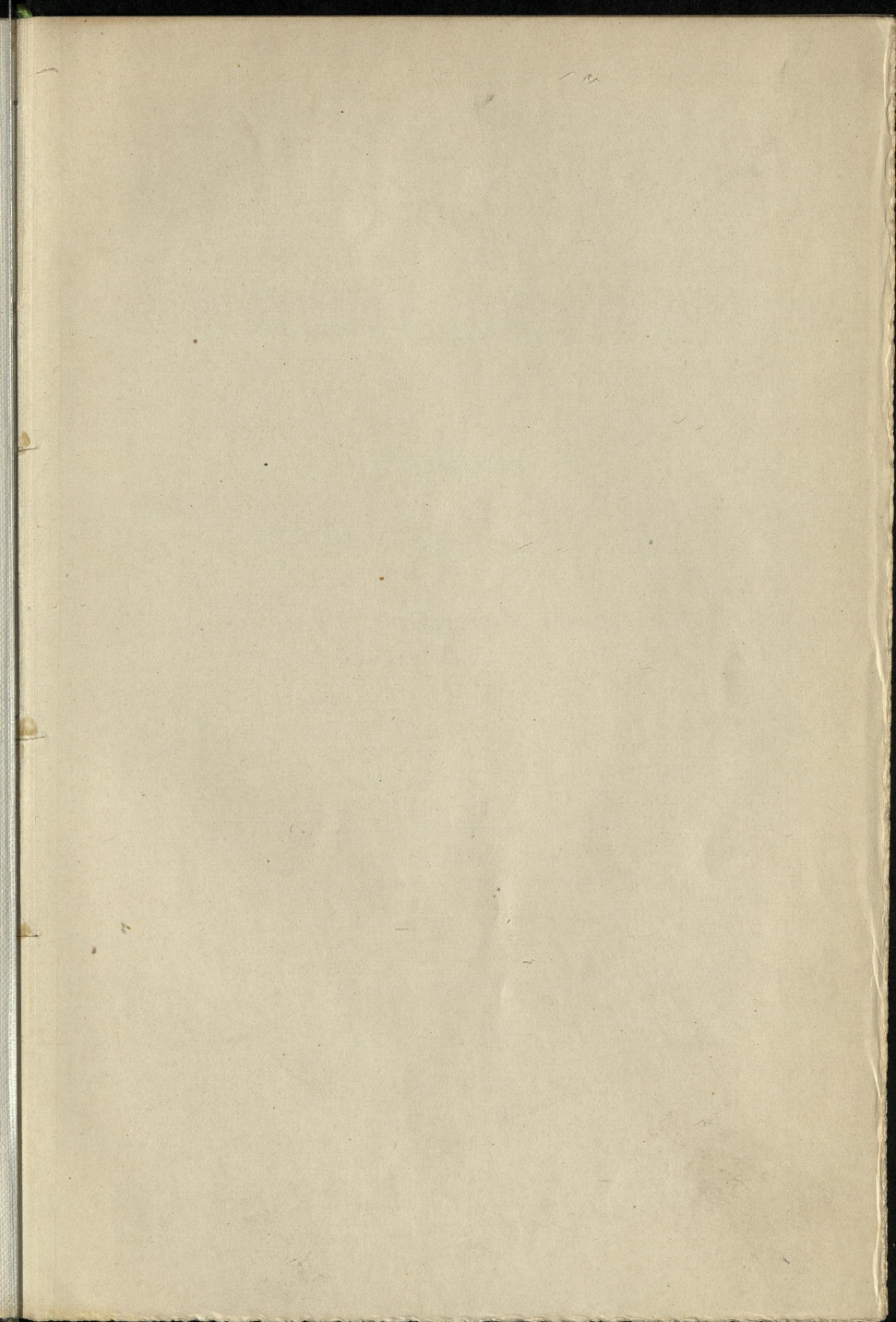
На подводной лодкѣ

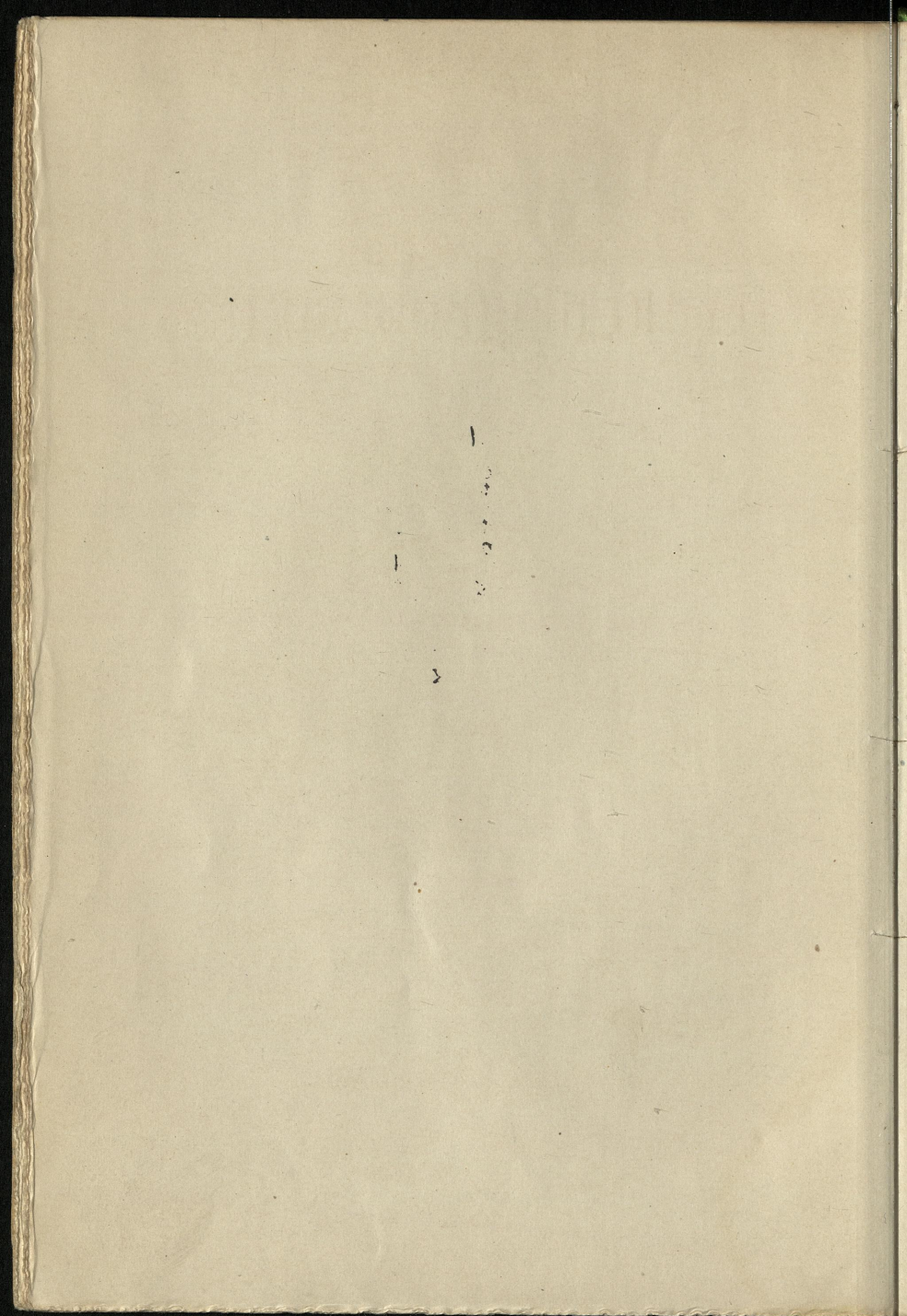
ИЗЪ ДНЕВНИКА
УЧАСТНИКА МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

ЭМТЕ.

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКѢ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

УЧАСТНИКА МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

Эмте.

32-81310

КНИГА ПЕРВАЯ.

ДЕЯТЕЛЪ ПОДКОЗДОНЪ АН

АВТОГРАФЪ

ПИСЬМО ПИШЕВНИМЪ АННИКОМУ

ОТЪ

1912

МОСКВА.—1912.

Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
ТЕЛЕФОНЪ 18-35.

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКѢ.

EDICOR NOTIONORI ALI

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

„Война — это памятникъ, на которомъ персть Божій написалъ прегрѣшенія однихъ и мученичество другихъ. Ударъ невидимой десницы полагаетъ неотвратимое мщеніе. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ бичъ Божій ударилъ на насъ съ моря (осада Севастополя), чтобы растаяли наши сердца и страна свергла оковы тѣлеснаго рабства. Отъ моря пришелъ гнѣвъ Божій и нынѣ, чтобы разсыпался пережитокъ тѣхъ дней — порабощенность духа. Господи! пріемли же цѣну столькихъ страданій и потребленныхъ отъ насъ жизней въ облегченіе житія оставшихся...“ ¹⁾.

¹⁾ Слова норвежскаго епископа Антонина.

Нынѣ минуло уже семь лѣтъ со времени нашей послѣдней ужасной войны, которая лишила нашъ флотъ почти всѣхъ его кораблей, отняла у Россіи столько дорогихъ жизней и стоила странѣ неисчислимыхъ потерь.

Однако дали ли намъ эти безконечныя страданія народа, этотъ длинный рядъ его мучениковъ хоть надежду на то, что „гнѣвъ Божій“ не придетъ къ намъ и опять, чтобы вновь положить „неотвратимое мщеніе“ за тѣ же прегрѣшенія?..

Въ то время, когда послѣдняя война встрѣтила насъ совершенно неподготовленными ни на сушѣ, ни въ морѣ, развѣ мы нашли въ себѣ мало мужества, чтобы итти на смерть? Но вѣдь этого было недостаточно, чтобы побѣдить. Гдѣ нѣтъ свободы духа, тамъ нѣтъ побѣды...

Въ то время, когда сила вещей требуетъ теперь отъ насъ всего нашего вниманія и заботливаго отношенія къ новымъ средствамъ войны — новому оружію, какимъ являются подводный и воздушный флоты, развѣ тѣ, кого это ближе всего должно касаться, удѣляютъ имъ свои особенныя заботы, развѣ не видно и здѣсь все той же „порабощенности духа“?

И вотъ поэтому, а также еще въ виду того большого интереса, который удѣляетъ наше общество подводнымъ лодкамъ, —этой новой нарождающейся силѣ военнаго флота, этому хотя и молодому, но серьезному и уже испытанному оружію войны, быть-можетъ, будетъ небезынтересно

теперь, когда это новое оружіе уже завоевало во всѣхъ современныхъ флотахъ надлежащее почетное мѣсто, оглянуться нѣсколько назадъ, къ тому недалекому прошлому — минувшей войны, когда эти лодки впервые появились у насъ, чтобы сразу же неподготовленными выступить въ той отвѣтственной роли, на которую каждая подводная лодка имѣетъ право претендовать.

Всѣ флоты въ данное время совершенствуются почти параллельно, и успѣхи, достигнутые какой-нибудь одной державой, не остаются ея монополіей, а быстро достигаются и всѣми остальными.

Между тѣмъ до сихъ поръ еще существуетъ ошибочное мнѣніе, что все, что касается подводныхъ лодокъ,—это секретъ, государственная тайна; но развѣ примѣры Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Германіи, Японіи и др. государствъ не доказываютъ какъ-разъ обратное, ибо тогда не стали бы поручать постройки подводныхъ лодокъ частнымъ заводамъ; развѣ сооруженіе подводныхъ лодокъ во Франціи, окруженное такой тайной, не объяснялось тѣмъ же секретомъ, которымъ была окутана постройка самодвижущихся минъ, аппарата несравненно болѣе серьезнаго и сложнаго, чѣмъ подводная лодка,—однако развѣ нынѣ этимъ секретомъ не завладѣли буквально всѣ флоты; развѣ тотъ же секретъ помѣшалъ Германіи въ періодъ нашей войны передать Россіи одну изъ своихъ лучшихъ подводныхъ лодокъ, а также лишилъ насъ права воспользоваться американскими под-

ками типовъ „Голландъ“ и „Протекторъ“—во время той же войны, и развѣ, наконецъ, тотъ же секретъ препятствуетъ сейчасъ новѣйшему оружію войны—аэропланамъ—стать общимъ достояніемъ?

И вотъ поэтому, беря на себя задачу привести, во всей ихъ простотѣ (съ измѣненными датами) нѣкоторые отрывки изъ своего дневника, мнѣ кажется—я не грѣшу ни передъ чѣмъ; наоборотъ, я беру на себя смѣлость даже считать своею обязанностью показать тѣмъ, кого это должно касаться, то, чего не слѣдовало дѣлать.

О надеждахъ, которыя возлагались на наши подводныя лодки со стороны тѣхъ, кого это ближе всего касалось, я здѣсь не буду говорить, потому что эти послѣдніе смотрѣли на насъ исключительно только съ точки зрѣнія одного нашего главнаго руководителя, который, напимѣръ, при утвержденіи проекта увеличенія офицерамъ подводнаго плаванія ихъ содержанія, прямо заявилъ: „Прибавить можно, все равно всѣ скоро перетонуть!“ Зато та вѣра, которой полны были всѣ командиры бывшихъ на войнѣ подводныхъ лодокъ, скажу, не преувеличивая, была способна сдѣлать, что и сдѣлала, громадными усиліями, безконечной затратой энергіи, самоотверженія и здоровья, изъ этихъ послѣднихъ, совершенно непригодныхъ для плаванія судовъ, изъ этихъ „аппаратовъ для испытанія мужества личнаго состава“, въ концѣ-концовъ такое оружіе, съ которымъ уже не могли серьезно не считаться наши противники.

Если наши піонеры подводнаго плаванія, лишенные возможности принять горячее участіе въ серьезныхъ активныхъ противъ нашего врага выступленіяхъ, не избавили нашъ флотъ отъ разгрома, то во всякомъ случаѣ они сдѣлали неизмѣримо больше, чѣмъ отъ нихъ имѣли основаніе требовать, — они спасли Владивостокъ отъ нашествія сначала флота Камимуры, который послѣ прибытія лодокъ во Владивостокскій портъ уже не осмѣливался показываться въ заливѣ Петра Великаго, а затѣмъ, послѣ Цусимы, отъ появленія всего японскаго флота адмирала Того.

Отъ маленькихъ причинъ иногда проистекаютъ большія событія.

Параллельно коснусь я не только нашей подводной флотиліи, но и жизни нашего главнаго порта, на который мы базировались, и который казалось бы хоть на время войны-то могъ, наконецъ, отрѣшиться отъ своего хроническаго недомоганія.

Я нарочно на всѣхъ страницахъ своего дневника, во всей этой грустной эпопеѣ, избѣгаю здѣсь называть собственныя имена, такъ какъ моя цѣль — не разоблачать тѣ тайны или секреты, которыми были окружены до сихъ поръ многія „детали“ минувшей войны, не способствовать, тѣмъ болѣе, „выносу сора“ изъ морской семьи, а повторяю — лишь показать ту печальную картину, которая въ будущемъ помогла бы намъ хоть не повторить старыхъ ошибокъ, иначе никакая даже

„сверхъ-реформа“ не въ состояніи будетъ уже спасти нашу отечественную морскую силу отъ новаго и уже окончательнаго самоуничтоженія...

Организаторы морской силы не сумѣли создать у насъ мощнаго флота, хотя и имѣли для этого всѣ данныя и необходимыя средства; сила вѣдь не въ томъ, чтобы только казаться силой. Теперь—это уже люди прошлаго.

„Подводники“ же—это моряки будущаго. Вотъ отзывъ о нихъ одного изъ присутствовавшихъ въ обществѣ нашихъ общественныхъ дѣятелей, куда однажды на дебаты, связанные съ изысканіемъ лучшихъ способовъ нашей морской обороны, были приглашены также и два командира подводныхъ лодокъ, рѣчи которыхъ восхитили всѣхъ въ этомъ обществѣ.

„Ихъ просили подѣлиться своими свѣдѣніями, просвѣтить понятія депутатовъ въ столь темной области, какъ морское дѣло. Молодые офицеры въ теченіе двухъ-трехъ часовъ выказали такую бездну свѣдѣній, и такихъ государственно-важныхъ, что казалось страннымъ видѣть передъ ними законодателей, совсѣмъ не свѣдущихъ. Слушая ихъ, я чувствовалъ, что передо мною—новые люди флота, и что если даже и немного такихъ, то все-таки флотъ нашъ не погибъ. Съ величайшей скромностью, простотой, содержательностью, эти капитаны Немо рассказали о наступающемъ переворотѣ въ исторіи военныхъ флотовъ, о той поразительной „сверхъ-реформѣ“, которая сама идетъ, и

которая въ ближайшемъ будущемъ сведетъ къ нулю громадныя эскадры разныхъ „Дреднаутовъ“, „Аки“ и „Хуки“...

Подводныя лодки — это оружіе бѣдныхъ морскихъ державъ, вотъ почему мы, русскіе, — имѣя четыре моря, раздѣленныхъ громадными разстояніями, и лишенные возможности располагать достаточными силами въ каждомъ изъ нихъ, — должны съ особой заботливостью и съ усиленнымъ интересомъ отнестись къ этой новой „сверхъ-реформѣ“, которая, дѣйствительно, идетъ къ намъ, въ видѣ новаго флота.

Слова Питта, когда тотъ увидѣлъ проектъ Фултона, мнѣ всегда казались пророческими:

„Если этотъ способъ битвы, — сказалъ онъ, — будетъ когда-либо принятъ, то флоты этимъ самымъ будутъ уничтожены“.

Только подводныя лодки въ союзѣ съ аэропланами (о дирижабляхъ я не говорю, потому что это тѣ же „Дреднауты“) могутъ положить, наконецъ, предѣлъ безконечному увеличенію государствами ихъ военнаго бюджета; только они въ состояніи предупредить окончательное разореніе всѣхъ народовъ, изнывающихъ подъ ужаснымъ гнетомъ безконечнаго роста налоговъ на исключительно военныя нужды; только они помогутъ всѣмъ странамъ, наконецъ, вздохнуть привольнѣй въ атмосферѣ мира, культуры и благосостоянія, — вотъ почему можно только привѣтствовать новую эру

общаго увлеченія этими недорогими средствами войны; вотъ почему можно только благословлять ростъ подводнаго и воздушнаго флотовъ.

Эти новыя смертоносныя машины войны отрезвять, наконецъ, воинственный пылъ нашихъ правительствъ, и въ исторію народовъ внесутъ тотъ переломъ, тотъ миръ, о которомъ до сихъ поръ такъ безнадежно мечтали всѣ лучшіе люди...

Москва,

1912 г.

18 го мая.

Сегодня явился я къ мѣсту своего новаго назначенія — на подводныя лодки, снаряжаемыя на войну.

Еще въ прошломъ году, когда въ нашемъ флотѣ была спущена только первая подводная лодка, я принялъ всѣ мѣры, чтобы попасть на нее охотникомъ, но отсутствіе „связей“ и тутъ мѣшало мнѣ осуществить это желаніе—вѣдь у насъ во флотѣ буквально шагу нельзя сдѣлать, если онъ не предупрежденъ какой-нибудь вліятельной „тетушкой“. Вскорѣ, однако, вспыхнула война, и тогда только какая-то счастливая случайность вознаградила меня—я получилъ командировку на вновь строящіяся лодки.

Моихъ сотоварищей по подводному плаванію оказалось только трое—всѣ весьма убѣжденные и глубоковѣрующіе въ будущее своего дѣла люди.

...За день до моего пріѣзда сюда на опытной лодкѣ разыгралась драма, повлекшая за собой гибель офицера и 25 матросовъ.

Умо Катастрофа эта настолько тяжело отразилась на нашемъ кадрѣ „подводниковъ“, что я не могу не занести ее на страницы своего дневника.

Опытная лодка, обыкновенно вмѣщающая двѣнадцать человѣкъ, начала погруженіе для практики и обученія команды, имѣя въ себѣ тридцать-семь человѣкъ, изъ которыхъ, кромѣ командира, было еще два офицера.

Началось погруженіе на мѣстѣ — лодка принимала въ цистерны водяной баластъ.

Оставалась уже малая пловучесть. Лодка готова была погрузиться на дно; предстояло только закрыть главную крышку и уничтожить оставшуюся пловучесть.

Но въ это время недалеко отъ мѣста погруженія проходилъ пароходъ; волна отъ него добѣжала до лодки, покрыла ее и заглянула въ незакрытый еще люкъ. Этого было достаточно, чтобы съ открытой крышкой она устремилась ко дну.

Ужась смерти въ первый моментъ сковаль мысли несчастныхъ заключенныхъ, видѣвшихъ, какъ въ незакрытый люкъ хлынула вода. Огромная опасность, однако, быстро вывела людей изъ оцѣпенѣнія. Бросились закрывать крышку... заработалъ опускающій механизмъ... Сразу уменьшилась и стремительность потока... Вотъ механизмъ сталъ, крышка прикрыта. Спасеніе еще возможно, — водой залита только часть лодки, — воздуха можетъ хватить, пока подоспѣтъ помощь извнѣ... Вырываются крики облегченія, но тотчасъ обрываются и замирають, — вода продолжаетъ прибывать...

Крышка, оказывается, закрыта не до мѣста; одинъ изъ экипажа, ближайшій къ выходному люку,

искалъ спасенія черезъ этотъ люкъ, и уже былъ на порогѣ его, но подводное судно не пожелало разстаться со своей жертвой, и, захваченный закрывавшейся въ это время крышкой, человѣкъ былъ раздавленъ ею: и только кости его противостояли объятіямъ судна, которому онъ ввѣрилъ свою жизнь, онъ-то и не позволяли люку закрыться до мѣста.

Вода прибывала. Становилось тяжело дышать...

Всѣ способы найти спасеніе, казалось, были уже исчерпаны.

Въ сознаніи оставались уже немногіе. Они были по грудь въ водѣ, но отчаянная борьба со смертью продолжалась... Кое-кто толпился у выходного люка... Наконецъ, кто-то снова сталъ открывать крышку... вода быстрѣй кинулась внутрь; сгущенный отъ давленія воздухъ началъ вырываться наружу... Невидимою рукою судьба направляла нѣкоторыхъ избранныхъ къ выходному люку и выбрасывала черезъ него на поверхность воды. Такъ спаслось изъ тридцати-семи — всего двѣнадцать человѣкъ, подобранныхъ со шлюпки, т.-е. какъ-разъ столько, сколько эта лодка должна была вмѣстить во время своего нормальнаго погруженія, такъ какъ по проекту экипажъ этой лодки былъ ограниченъ именно этимъ числомъ.

Погибъ и командиръ. Не имѣя опытности, молодой въ дѣлѣ подводнаго плаванія, онъ погубилъ себя и повлекъ смерть большинства ввѣреннаго ему экипажа. Кто виноватъ?..

Одинъ французскій морской писатель отвѣтилъ на этотъ вопросъ.

Вотъ что говорить онъ относительно этой катастрофы:

„...Гибель этой подводной лодки произошла исключительно отъ небрежности. Экипажъ лодки обычно состоялъ изъ 12 офицеровъ и матросовъ, но во время несчастнаго случая на ней оказалось 37 человекъ, — излишекъ былъ взятъ для обученія.

„Лодка стояла въ рѣкѣ, гдѣ плотность воды значительно меньше морской. Прибавочные и обучающіе люди увеличили вѣсъ лодки, стѣснили команду и оставили открытымъ люкъ, въ надеждѣ спастись въ случаѣ несчастія. Приготовленіе погрузиться и впускъ воды въ баластныя цистерны начался съ открытой крышкой, и такимъ образомъ открытый люкъ попалъ въ воду раньше, чѣмъ его успѣли закрыть. Несмотря на старанія, его не удалось закрыть; лодка наполнилась водой и пошла на дно. Изъ команды 25 человекъ погибло. Воздухъ скопился и сжался въ верхней части кормового отдѣленія, гдѣ и столпились оставшіеся въ живыхъ люди. Электричество горѣло нѣсколько часовъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока вода не закрыла совсѣмъ батарею.

„Недостаточно имѣть подводное судно въ порядкѣ, чтобы считать его боевой единицей, — обученіе команды составляетъ очень большой факторъ въ подводномъ плаваніи.

„Нужно постоянно помнить, что время, терпѣніе, внимательное обученіе команды, частыя упражненія и проч.—главное на подводной лодкѣ“.

У насъ объ этомъ, конечно, забыли...

26-го мая.

Сегодня мое подводное крещеніе—первый мой спускъ подъ воду; я погружался на только-что законченной лодкѣ. Это всего только второй ея опытъ; первое испытаніе на ней производилъ вчера самъ изобрѣтатель.

На лодкѣ были сдѣланы подготовительныя распоряженія, для чего пришлось отойти на болѣе глубокое мѣсто; къ этому же времени были закончены испытанія водяныхъ отсѣковъ, и наполнены всѣ хранители воздухомъ, сжатымъ до 150 атмосферъ.

Погруженіе должно было происходить на мѣстѣ безъ хода.

По командѣ изобрѣтателя каждый изъ экипажа и обучающагося состава занялъ свое опредѣленное мѣсто внутри лодки. Я устроился въ самой боевой рубкѣ, въ которой обыкновенно сосредоточивается управленіе лодкой и помѣщается командиръ, которая оставалась теперь свободной, такъ какъ изобрѣтатель на первыхъ опытахъ рѣшилъ находиться посрединѣ (внутри) лодки, чтобы имѣть возможность, пока команда еще не обвыклась, са-

мому зорко слѣдить за точнымъ исполненіемъ каждаго переданнаго имъ приказанія.

Въ виду того, что перископъ ¹⁾, посредствомъ котораго лодка только и получаетъ возможность наблюдать за всѣмъ происходящимъ на поверхности воды, еще не былъ установленъ на мѣсто, находящіеся внутри лодки люди могли судить о послѣдовательномъ переходѣ лодки изъ ея полного надводнаго состоянія въ полное подводное исключительно только по глубомѣру, т.-е. прибору, показывающему въ каждый данный моментъ глубину погруженія лодки. Я же, находясь въ командирской рубкѣ, которая была снабжена четырьмя иллюминаторами ²⁾ для ориентировки безъ помощи перископа, получалъ возможность быть единственнымъ свидѣтелемъ, какъ лодка, постепенно принимая водяной баластъ въ свои отсеки, будетъ погружаться, оставляя все меньшую часть своего корпуса надъ водой, пока совершенно не скроется съ поверхности и не окажется на днѣ. Тутъ же около меня находились всѣ сигнальные приборы, нѣсколько контрольных манометровъ, показывающихъ глубину хода лодки подъ водой и рулевые приборы, телеграфы въ машину и къ рулямъ, электрическій приводъ для вращенія къ перископу и проч.

¹⁾ Металлическая труба съ преломляющими призмами, которая служитъ „глазами“ лодки при ходѣ ея подъ водой.

²⁾ Небольшія оконца.

Командиръ послѣдній разъ обошелъ верхнюю палубу, чтобы убѣдиться, въ точности ли исполнены всѣ отданныя имъ приказанія; затѣмъ спустился по трапу въ открытый еще люкъ и занялъ свое мѣсто.

По его командѣ „главный входной люкъ задраить“—крышка большого входного люка быстро опустилась на свое мѣсто, закрывъ послѣдній нашъ выходъ наружу. Когда задрайки были крѣпко завернуты, стоявшій на этой обязанности матросъ громко доложилъ командиру, что „главный входной люкъ задраенъ“, и этотъ отвѣтъ, казалось, на каждое лицо наложилъ замѣтный отпечатокъ какого-то остраго ощущенія, точно всѣхъ насъ навсегда отрѣзали отъ живого міра, и на нашъ единственный выходъ въ этотъ міръ плотно надвинули тяжелую плиту. Съ этого момента какое-то особое обаяніе пріобрѣтаетъ каждое слово, каждое движеніе командира, за которымъ тотчасъ же слѣдуетъ самое точное и пунктуальное исполненіе—каждый отлично сознаетъ, что теперь опытности одного человѣка ввѣрена драгоцѣнная жизнь всего экипажа лодки. Еще рѣзче среди могильной тишины послышалась дальнѣйшая команда о наполненіи баластныхъ цистернъ, и еще рѣзче и еще непріятнѣ засвистѣлъ изъ водяныхъ цистернъ воздухъ, который быстро распространилъ въ помѣщеніи лодки какую-то тяжелую, удушливую и сырую атмосферу—это вода наполняла отѣски и вытѣсняла оттуда воздухъ, постепенно увеличивая

вѣсь лодки и постепенно уменьшая ея пловучесть. Вскорѣ какая-то тяжесть въ ушахъ, а также приборы не замедлили показать, что давленіе въ лодкѣ отъ прибывающаго воздуха становится повышеннымъ; чтобы разрѣдить его, командиръ даетъ приказаніе открыть вытяжной электрическій вентиляторъ, который быстро уравниваетъ давленіе и тотчасъ же снова герметически закрывается.

По сосредоточенному лицу командира видно, какъ зорко слѣдитъ онъ за движеніемъ стрѣлки глубомѣра и пузырькомъ кренометра, чтобы въ-время остановить доступъ воды въ баластныя цистерны, и какъ только онъ замѣчаетъ тенденцію стрѣлки къ рѣзкимъ скачкамъ, быстро отдаетъ приказаніе застопорить наполненіе главныхъ баластныхъ отсѣковъ, и затѣмъ начинаетъ наполненіе центральной цистерны, при помощи которой погруженіе становится болѣе рѣзкимъ. Черезъ стекла иллюминаторовъ командирской рубки стало видно, что вода уже прикрыла всю палубу, оставивъ надъ поверхностью воды только часть рубки. Вскорѣ вода подошла къ самымъ стекламъ, и волной уже начала захлестывать ихъ, изрѣдка закрывая и доступъ сквозь нихъ лучамъ солнца. Теперь въ лодкѣ остается уже самая небольшая остаточная пловучесть, съ исчезновеніемъ которой лодка, какъ всякое тонущее судно, пойдетъ ко дну; съ этой же пловучестью она совершаетъ и свои переходы подъ водой—достаточно

для этого только дать въ машинѣ „полный ходъ“ и положить руль глубины на „потопленіе“.

Пузырекъ кренометра, стоявшій все время до сихъ поръ на нулѣ, вдругъ быстро отошелъ отъ нуля вправо и сталъ на дѣленіи „4“—этимъ онъ давалъ знать, что на лодкѣ появился кренъ на носъ въ 4°. Едва только командиръ пожелалъ принять предупредительныя мѣры для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, какъ пузырекъ кренометра быстро покатился дальше вправо, и вмѣстѣ съ тѣмъ мгновенно стемнѣло въ иллюминаторахъ рубки, и все, что оказалось незакрѣпленнымъ въ лодкѣ, посыпалось къ носовой ея переборкѣ. Установившееся было рѣшительными и хладнокровными приказаніями командира спокойное отправленіе командой ея обязанностей сразу смѣнилось у многихъ, благодаря неожиданной обстановкѣ, особой нервною, которая рѣзко вылилась на многихъ лицахъ,—что, впрочемъ, являлось вполне простительнымъ, такъ какъ погруженіе это для большинства изъ присутствующихъ было вѣдь только первымъ испытаніемъ. Хладнокровіе самого изобрѣтателя вскорѣ, однако, снова заставило забыть насъ о всѣхъ возможныхъ опасностяхъ и слѣпо довѣриться его опытности. Вскорѣ дѣйствительно равновѣсіе ему удалось возстановить, и кренометръ также спокойно установился на нулѣ.

Въ иллюминаторахъ рубки, въ которой я находился, снова стало видно, что надстройка лодки уже почти вся ушла подъ воду, и на палубѣ небольшой

волной уже переливалась вода; надъ поверхностью оставалась только командирская рубка. Началось дальнѣйшее погруженіе, но, несмотря на всѣ старанія командира предупредить появленіе новаго большаго крена, это ему не удавалось—равновѣсіе каждый разъ нарушалось, и то носъ, то корма быстро теряли пловучесть и шли ко дну—обнаружился одинъ конструктивный недостатокъ, который препятствовалъ правильному погруженію лодки на мѣстѣ, отчего и неизбежны были эти крены въ діаметральной (продольной) плоскости. Вскорѣ, однако, намъ все-таки удалось кое-какъ погрузиться на самое дно, о чемъ ясно говорила, кромѣ глубомѣра, еще полная темнота въ оконцахъ рубки. Всѣ быстро освоились съ новой обстановкой, и общее, нѣсколько тревожное, настроеніе быстро исчезло. По приказанію командира были осмотрѣны всѣ трюмы и вообще вся лодка, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли гдѣ просачиванія воды или течи, такъ какъ на глубинахъ, при большемъ давленіи окружающей среды, это должно рѣзче обнаруживаться, чѣмъ у поверхности воды. Вскорѣ этотъ осмотръ былъ законченъ, и командиръ рѣшился снова подняться на поверхность; раздалась его команда „по мѣстамъ стоять, приготовиться къ подъему“—и всѣ снова заняли свои мѣста.

Командиръ даетъ приказаніе „продуть балластные цистерны“, слышится шипѣніе,—это сжатый воздухъ поступилъ изъ воздухохранителей въ водяной отсѣкъ, и лодка какъ пробка вылетаетъ на поверх-

ность. Въ иллюминаторахъ рубки становится сразу свѣтло, и видно, какъ весь корпусъ уже вынырнулъ изъ воды; хотя долго слышится еще рѣзкій свистъ,— это сжатый воздухъ продолжаетъ очищать своимъ давленіемъ всѣ отсѣки отъ того водяного баласта, который заставилъ лодку уйти на глубину. Послѣдовательно съ нѣсколькихъ мѣстъ доносится командой, что цистерны продуты, слѣдовательно лодка уже находится въ полномъ надводномъ состояніи.

Остается, передъ тѣмъ какъ открыть входной люкъ, только медленно сравнять давленіе скопившагося въ лодкѣ воздуха съ наружнымъ нормальнымъ давленіемъ. Непріятное ощущеніе въ ушахъ, какая-то тяжесть и показаніе спеціальнаго манометра указываютъ на то, что въ лодкѣ довольно повышенное давленіе, для уравниванія котораго и пускается вытяжной электрической вентиляторъ, чтобы сдѣлать переходъ его къ нормальному—постепеннымъ.

Какъ только былъ пущенъ въ ходъ вентиляторъ, мы были свидѣтелями интереснаго явленія—ясный воздухъ въ лодкѣ вдругъ мгновенно смѣнился густымъ туманомъ; это при разрядѣ воздуха отделились находившіеся въ немъ водяные пары, и этотъ туманъ довольно долго еще разстилался въ помѣщеніи лодки.

Вскорѣ защелкала лебедка—это открывался по приказанію командира главный входной люкъ, и всѣ, довольные благополучнымъ подъемомъ на по-

верхность, повысыпали на верхнюю палубу.

Такимъ образомъ, послѣ почти трехъ часовъ пребыванія подъ водой, мы закончили свои первые опыты. По окончаніи нѣкоторыхъ передѣлокъ лодки такія погруженія ея должны будутъ происходить у насъ теперь почти ежедневно...

15-го іюня.

Вчера назначень я командиромъ одной изъ лодокъ, отправляющихся на войну.

Не могу не обратить вниманія на одинъ фундаментальный недостатокъ лодокъ этого типа. Несмотря на то, что на постройку и оборудованіе каждой лодки ассигновано министерствомъ по 400 тыс. р., а заводъ израсходовалъ пока только по 250 т. р., онѣ, проектированныя на два большихъ мотора, общей мощностью въ 800 силъ, и одинъ малый въ 60 с., снаряжались на войну только съ однимъ этимъ послѣднимъ, который собственно предназначался не для непосредственнаго дѣйствія на единственный винтъ лодки, связанный только съ электромоторомъ (по проекту же лодка должна была располагать тремя винтами), а имѣлъ своей цѣлью восполненіе запасовъ аккумуляторовъ своими средствами и въ открытомъ морѣ.

Этотъ капитальный недостатокъ станетъ очевиднымъ, если указать на то, что лодка, лишенная этихъ большихъ моторовъ, вмѣсто скорости линейнаго корабля въ 14—16 узловъ, теперь будетъ обре-

чена на мизерный ходъ всего въ 5—6 узловъ. Этотъ недостатокъ легъ въ основаніе всей дѣятельности отряда подводныхъ лодокъ въ періодъ войны, когда лодки, лишеныя своихъ положенныхъ по проекту большихъ моторовъ, волей-неволей должны были довольствоваться небольшими походами, такъ какъ установленные слабосильные двигатели лишили лодки всякой возможности къ ихъ активнымъ, вдали отъ своихъ береговъ, выступленіямъ, ибо борьба со свѣжей погодой для нихъ являлась, прежде всего, непосильной; да и походы на большія дистанціи возможны для корабля только вѣдь при серьезной гарантіи со стороны выноси-мости судовыхъ машинъ, о чемъ ясно у насъ не могло быть и рѣчи.

Зато, нужно быть справедливымъ—обработка корпуса лодки выполнена заводомъ безъ укоризненно и удивительно добросовѣстно.

Параллельно не могу не обратить вниманія на постройку лодокъ другого типа по проекту, купленному нашимъ министерствомъ у одного американца, который, повидимому, прекрасно былъ знакомъ со всѣми традиціями морского вѣдомства. Чтобы справедливо оцѣнить дѣятельность этого американца, приведу нѣкоторыя выдержки изъ донесеній офицера, который былъ поставленъ наблюдать за работами на лодкахъ этого изобрѣтателя.

„При отправкѣ,—пишетъ онъ,—я не получилъ рѣшительно никакихъ контрактовъ, ни спесифи-

кацій, ни условій постройки лодокъ. Такимъ образомъ я не могъ предъявлять строителямъ никакихъ требованій...

„При приѣздѣ сюда самого изобрѣтателя, на вопросъ мой, когда истекають сроки готовности лодокъ, я получилъ отвѣтъ, что они уже давно истекли, а новыхъ сроковъ онъ мнѣ не сообщалъ...

„Что касается качествъ производимыхъ работъ, то они болѣе чѣмъ плохого: все не пригнано, криво и косо...

„На только-что прибывшей лодкѣ задній деревянный киль не защищенъ съ боковъ желѣзомъ, а поставлена просто деревянная болванка, плохо обтесанная, которая, при самомъ легкомъ прикосновеніи ко дну, отлетитъ и вырветъ съ собою болты.

„На этой лодкѣ, съ праваго борта въ двухъ, а съ лѣваго—въ трехъ мѣстахъ, швы текли, такъ много чеканились, что больше нельзя,—образовались ямы...

„На нѣкоторыхъ лодкахъ, могущихъ дать течъ, швы заливались просто асфальтомъ.

„На одной изъ лодокъ желѣзная рулевая тяга отъ гидроплановъ, оказавшаяся короткою, надточена съ каждой стороны, просто въ серединѣ въ ней высверленъ винтъ и вставлены куски,—конечно, въ работѣ она немедленно сломается...

„Я не могу оказать никакого вліянія ни на качество, ни на срокъ окончанія работъ, а являюсь

только обыкновеннымъ свидѣтелемъ при постройкѣ лодокъ, могущимъ быть обвиненнымъ въ нерадѣніи или зломъ попустительствѣ...

„Сегодня я отправился къ адмиралу съ объясненіемъ и просьбой дать мнѣ инструкціи для дальнѣйшихъ дѣйствій, но адмираль отвѣтилъ, что самъ не имѣетъ абсолютно никакихъ контрактовъ или условій, и приказалъ ѣхать для личнаго доклада въ Петербургъ“...

Вслѣдъ за этимъ, почти немедленно, этотъ офицеръ былъ назначенъ командиромъ одной изъ лодокъ, надъ работою которыхъ онъ былъ поставленъ прежде наблюдающимъ.

„Приказомъ по флоту назначенъ я командиромъ лодки...

„Всѣ недостатки въ постройкѣ этой лодки, подробно мною указанные ранѣе, послѣдствіемъ чего было назначеніе комиссіи, осмотрѣвшей и удостоившей эти недостатки, остались неисправленными. Кромѣ того, при спускѣ этой лодки на воду, въ носовой части швы такъ текли, что ее пришлось держать на кранѣ два часа, пока швы и нехватаящую заклепку забили щепами. До спуска этой лодки швы, могущіе дать течь, забивались обыкновенною паклею, что можетъ подтвердить другой офицеръ, видѣвшій это...

„Въ виду войны и необходимости возможно скорой отправки лодокъ, можно, конечно, примириться съ извѣстнымъ рискомъ плаванія на нихъ, но такъ какъ лодка эта, насколько мнѣ извѣстно,

останется для обученія команды, то плаваніе на ней представляется явно опаснымъ. Прочекаленные свинцомъ, забитые паклею и щепками швы, также сидящіе гнѣздами одна на другой заклепки, можетъ-быть, при сдачѣ лодокъ строителями, и выдержатъ нѣсколько опусканій и подводныхъ плаваній, но при дальнѣйшей службѣ могутъ повести къ весьма печальнымъ и не могущимъ имѣть оправданія послѣдствіямъ ¹⁾...

„Интересно отмѣтить, что за каждую изъ такихъ лодокъ наше министерство по контракту обязалось уплатить американскому изобрѣтателю по 500 т. р.“.

¹⁾ Последняя катастрофа съ подводной лодкой въ С.-Петербургѣ показываетъ, что американецъ-строитель, повидимому, и нынѣ столь же старательно поставляетъ для русскаго флота такіа же подводныя лодки.

21-го августа.

Завтра я совместно со своей лодкой отправляюсь по желѣзной дорогѣ на войну.

Долженъ сказать, что лодка эта идетъ на войну совершенно неиспытанной, если не считать два ея погруженія для пробы корпуса, такъ какъ окончательная сборка лодки будетъ производиться на театрѣ войны. Пока оборудованъ вполнѣ только одинъ ея корпусъ, и частью установлены необходимые двигатели.

Какъ ни странно, но я имѣю мужество итти командиромъ подводной лодки, не обладая буквально никакой практикой: ни подводнаго плаванія, ни стрѣльбы минами, такъ какъ нѣсколько „ныряній“—опытъ слишкомъ недостаточный. Правду говоря, я и самъ удивляюсь, какимъ образомъ рискнулъ я,—въ виду тѣхъ опасностей, которыми богато плаваніе на подводныхъ лодкахъ, гдѣ малѣйшее незнаніе, малѣйшая неопытность и неподготовленность къ разнообразнымъ условіямъ плаванія подъ водой непреклонно ведутъ къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ, могущимъ стоить жизни всему экипажу лодки,—взять на себя тяжелую

отвѣтственность руководителя въ области, мнѣ совершенно неизвѣстной. Но не желая оправдываться, приведу въ видѣ отвѣта только выдержку изъ отчета одного моего сотоварища по плаванію, командира такой же лодки, который такъ говоритъ относительно этой спѣшной отправки лодокъ на войну:

„...Личный составъ лодокъ приглашался на опытную лодку на время испытаній въ качествѣ простыхъ зрителей, и я лично, уѣзжая на войну, имѣлъ весьма смутное представленіе объ управленіи подводнымъ миноносцемъ и стрѣльбѣ минами изъ его аппаратовъ, ибо въ качествѣ зрителя я могъ усвоить одни лишь командныя слова.

„На ввѣренномъ же мнѣ миноносцѣ я всего только успѣлъ два раза погрузиться въ воду, и то только для того, чтобы осмотрѣть, не даетъ ли корпусъ гдѣ-либо течи.

„Считая себя не въ правѣ съ такими малыми познаніями отправляться на театръ военныхъ дѣйствій, я тогда же доложилъ обо всемъ своему начальнику, на что мнѣ было сказано, что я могу ѣхать со спокойной совѣстью, такъ какъ по прибытіи въ портъ намъ дадутъ время закончить всѣ необходимыя работы и произвести опыты“.

Приведенная выдержка показываетъ, что каждый изъ насъ, повидимому, былъ предоставленъ самъ себѣ, такъ какъ начальство наше резонно рѣшило, что разъ жизнь дорога каждому, то всякій, несо-

мнѣнно, поневолѣ долженъ позаботиться и объ обстоятельствахъ, могущихъ по возможности дольше сохранить ее въ неприкосновенности.

Послѣ этого, конечно, уже не удивительно, если командиръ даже опытной лодки ни разу за все время ея испытаній не могъ нырнуть на ней правильно: то она плавала по поверхности, совершенно, повидимому, не обнаруживая тенденціи погрузиться, то шла кормой внизъ или упиралась носомъ въ дно,—однимъ словомъ, если и походила на подводную лодку, то, во всякомъ случаѣ, не на управляемую, а на обыкновенное тонущее судно, которое если и погружалось на дно, то абсолютно помимо всякой воли и желанія своего капитана.

Во время одного изъ походовъ опытной лодки, кромѣ практики подводнаго плаванія, нужно было произвести еще опытъ стрѣльбы минами изъ двухъ аппаратовъ, и нельзя было не удивляться той поразительной находчивости командира этой лодки, съ которой онъ сумѣлъ выйти изъ труднаго положенія, въ которомъ оказался благодаря своему безсилію въ управленіи лодкой. Онъ отлично зналъ, что дѣйствительность минной стрѣльбы достигается съ лодки этого типа только въ погруженномъ ея состояніи, а разъ она не желала нырять, не все ли равно; мины были выпущены, при чемъ одна тотчасъ же утонула, а куда пошла другая,—близко ли, далеко отъ цѣли,—этимъ и не интересовались особенно; всѣ отлично пони-

мали, что командиръ лодки „долженъ былъ“ выполнить этотъ „номеръ“.

Вообще все снаряженіе подводныхъ лодокъ на войну и отправка насъ, съ которой отчего-то сильно торопились, невольно наводила на нѣкоторыя скверныя мысли, и, собственно, слѣдовало бы вовсе отказаться отъ всей этой миссіи, но для этого требовалось бы еще большее мужество, чѣмъ итти даже прямо верхомъ на минѣ, такъ какъ отказъ и уходъ съ лодокъ, въ особенности теперь, въ военное время, послѣ того, когда самъ вызвался охотникомъ, несомнѣнно объяснили бы самую обыкновенную трусостью.

Было слишкомъ ясно, что скорѣйшее отправленіе лодокъ являлось необходимымъ не для того, чтобы предупредить возможность опозданія лодокъ къ порту, могущему оказаться отрѣзаннымъ, не для того, чтобы лодки могли, по прибытіи къ мѣсту войны, тотчасъ открыть свои дѣйствія, такъ какъ работы на нихъ, все равно, были далеко еще не закончены,—видно было только, что торопливостью въ ихъ отправкѣ руководятъ совершенно другіе мотивы, нуженъ былъ извѣстный „номеръ“... о немъ должно быть доложено кому-то... будутъ телеграммы...

А принесетъ ли это новое, еще неиспытанное оружіе благіе результаты, соотвѣтствующіе затраченнымъ на него средствамъ—объ этомъ, конечно, и не думали, потому что, нѣтъ сомнѣнія, въ него и не вѣрили...

23-го марта.

Вотъ я уже на театрѣ войны, но до сихъ поръ не выходилъ еще въ море, такъ какъ сборка лодки еще не закончена. Остается масса невыполненныхъ работъ и на другихъ лодкахъ, несмотря на то, что работаемъ на нихъ цѣлые дни и ночи, не исключая и праздниковъ.

Адмиралъ, однако, при посѣщеніи лодокъ, остался страшно недоволенъ и обрушилъ свой гнѣвъ на одного изъ нашихъ лучшихъ командировъ.

На объясненіе этого командира, что на его лодкѣ не закончены еще многія фундаментальныя работы, что не установлены окончательно компасы и не уничтожена девиация ¹⁾ на нихъ, что всѣ работы задерживаются благодаря недостатку въ мастеровыхъ, что на всѣхъ лодкахъ работаютъ всего по 2—3 человекъ, что его лодка совершенно не испытана, такъ какъ два пробныхъ погруженія не могутъ еще дать увѣренности въ управленіи лодкой,—адмиралъ заявилъ:

¹⁾ Погрѣшность компаса, происходящая отъ вліянія окружающаго желѣза на магнитную стрѣлку.

„—Какіе тамъ компасы!.. Пожалуйста безъ оправданій!.. Все это совершенно неуважительныя причины!.. Предлагаю вамъ завтра же утромъ выйти въ море! а больше никакихъ объясненій отъ васъ принимать я не желаю!..“

„—Все это серьезно примите къ свѣдѣнію!“— закончилъ адмиралъ и покинулъ лодку.

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ нашего адмирала—отвѣтъ на тѣ многочисленныя катастрофы, которыми всегда такъ богатъ былъ нашъ флотъ.

Выдержка изъ отчета этого же командира, который на другой день вышелъ въ море, согласно приказу адмирала, покажетъ результаты этого похода, едва не окончившагося катастрофой.

„Я рѣшилъ воспользоваться свѣжей погодой,— говорится въ отчетѣ,—и произвести опытъ погруженія лодки на ходу на большой волнѣ.

„Давъ ходъ машинѣ, пошелъ огибать островъ. Пока лодка шла противъ волны, управленіе лодкой было весьма затруднительно, потому что волной все время закрывало перископъ. Качка была довольно ощутительная и лодка довольно плохо слушалась руля. Затѣмъ, когда я привелъ лодку на попутную волну, убавивъ пловучесть и положивъ рули „на потопленіе“, намѣревался перейти въ подводное состояніе, то тутъ произошло слѣдующее: какъ только лодка получила кренъ на носъ и стала уже зарываться, въ это время огромною волною подбросило корму, и я, имѣя полный ходъ, съ сильнымъ креномъ стремительно пошелъ

на глубину: всё люди, палубные листы, запасный баластъ и другіе предметы—все это посыпалось къ носовой переборкѣ, увеличивая тѣмъ самымъ еще болѣе кренъ; глубина въ это время показывала 180 футовъ ¹⁾; изъ аккумуляторовъ вылилась кислота, которая, соединившись съ желѣзомъ, стала выдѣлять водородъ; самые аккумуляторы смѣстились. Успокоивъ команду, приказалъ минерамъ добратся до главнаго мотора и дать ходъ, а тѣмъ временемъ очистить доступъ къ кингстону главныхъ цистернъ. Какъ только при заднемъ ходѣ корма лодки вышла на поверхность, первой же волной, ударомъ въ корму, еще болѣе усилило кренъ, и мнѣ, чтобы избѣжать дальнѣйшаго увеличенія его, пришлось снова дать ходъ впередъ и уйти на глубину. Тѣмъ временемъ доступъ къ кингстону былъ очищенъ, приказалъ продуть балластные цистерны, сталъ выравниваться, и съ облегченной душою всплылъ на поверхность; но здѣсь ожидалъ насъ не менѣе пріятный сюрпризъ: какъ только явилась возможность ориентироваться въ иллюминаторы лодки, я замѣтилъ, что по обѣ стороны меня стоятъ два большихъ миноносца. Разобрать флага было невозможно, такъ какъ они стояли ко мнѣ носомъ противъ вѣтра. Хотѣлъ снова нырнуть, но вскорѣ опредѣлилъ, что эти миноносцы были—наши...

„Возвратясь въ защищенную бухту на островъ,

¹⁾ 30 морскихъ сажень.

возлѣ котораго находился, немедленно принялъ мѣры для удаленія кислоты изъ трюмовъ, и затѣмъ пошелъ обратно въ портъ“...

Первый мой опытъ погруженія и плаванія подъ водой здѣсь, въ заливѣ, также былъ очень неудаченъ: я зарылся на глубину около 12-ти сажень, имѣя настолько большой кренъ на носъ, что пришлось принять экстренныя мѣры для подъема на поверхность. Мой начальникъ, наблюдавшій за моимъ погруженіемъ съ парового катера, долженъ былъ, конечно, немало удивиться, когда увидѣлъ сначала выскочившую изъ воды корму, а затѣмъ возвращающуюся винтъ лодки. Каково же было мое удивленіе, когда, едва только успѣлъ появиться я на поверхности послѣ совершенно ненормальнаго всплытія, обрадованный тѣмъ, что увидѣлъ опять свѣтъ, который, правду говоря, уже и не рассчитывалъ видѣть, начальникъ приблизился къ намъ, поздравилъ насъ съ окончаніемъ опытовъ и прибавилъ, что сегодня же онъ дастъ телеграмму въ столицу о готовности лодки и о благополучномъ завершеніи всѣхъ ея опытовъ.

Итакъ, нашъ первый опытъ, неудачнѣе котораго трудно было что-либо представить, начальникъ считалъ „благополучнымъ завершеніемъ всѣхъ испытаній“.

Не успѣлъ я поблагодарить своего начальника за его благосклонную оцѣнку, какъ мой помощникъ предупредилъ меня, и, обращаясь къ нему, прямо заявилъ:

„—Не подождать ли?! а то, пожалуй, неудобно будет послѣ этой сегодняшней телеграммы о нашихъ блестящихъ опытахъ завтра посылать на дно за нами водолазовъ...“

Начальникъ сдѣлалъ недовольное и злое лицо...

„—Хорошо! Въ такомъ случаѣ завтра же вамъ придется тогда еще разъ нырнуть въ моемъ присутствіи!..“ донеслось до насъ сухое приказаніе съ уходящаго уже катера.

На другой день опытъ повторился, тоже, конечно, не блестяще, но телеграмма предрѣшена была раньше, а черезъ нѣсколько часовъ въ нашемъ главномъ штабѣ къ дѣйствующему флоту уже было сопричислено и мое суденышко такимъ же порядкомъ, какъ и всѣ другія лодки нашей флотиліи.

15-го апреля.

Недавно закончена сборкой та злополучная лодка, о гибели которой я уже какъ-то писалъ,—она привезена сюда вмѣстѣ съ другой лодкой иностранной постройки уже около двухъ мѣсяцевъ назадъ, и нынѣ начала свои испытанія. Не хотѣлось вѣрить, что эта лодка однажды уже похоронила въ себѣ двадцать-пять человѣкъ,—такъ энергично и воодушевленно работалъ на ней новый составъ команды.

Что касается другой лодки иностранной постройки, укажу на одинъ маленькій курьезъ.

Когда эшелонъ, въ которомъ шла эта лодка, снаряжался на войну, командиръ ея просилъ объ одновременной отправкѣ съ лодкой и минъ: лодка эта была вооружена не уайтхедовскими минами, почему, вполне естественно, онъ боялся, чтобы эти мины потомъ не задержались гдѣ-нибудь въ пути, такъ какъ въ эту войну о точности доставки предметовъ, даже первѣйшей необходимости, нечего было и думать.

Въ этой просьбѣ, однако, ему было отказано по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, но подтвер-

ждено еще разъ рѣшеніе „отправить мины немедленно же вслѣдъ лодкѣ съ отдѣльнымъ эшелономъ“.

Теперь эта лодка здѣсь уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, испытанія свои закончила, а эшелонъ съ ея минами все не приходилъ.

Злая иронія обстоятельствъ: къ услугамъ лодокъ нашего типа былъ огромный запасъ боевыхъ минъ, но онѣ сами были не въ силахъ выйти въ море, а эта лодка была въ полной готовности, и дѣйствительно представляла изъ себя серьезное оружіе по своимъ совершеннымъ достоинствамъ, но зато не имѣла ни одной мины, которая, несмотря на многочисленныя и самыя энергичныя телеграммы, все не приходили.

Такое оригинальное положеніе, однако, стало не по душѣ даже и нашему адмиралу. Дано было предписаніе этой лодкѣ приготовиться къ походу для сопровожденія другой лодки, которую вооружили даже минами.

Вскорѣ обѣ онѣ ушли въ море. Ихъ провожали два миноносца...

Послѣ нѣсколькихъ дней скитаній по близлежащимъ бухтамъ, онѣ вернулись, наконецъ, изъ своего „боевого“ похода. Привезли и трофеи своего плаванія... около десятка убитыхъ оленей...

Командиръ этой обиженной лодки рассказывалъ еще въ бытность свою въ столицѣ небезынтересный анекдотъ, который я оставляю всецѣло

на его отвѣтственности, и который, по его словамъ, имѣлъ мѣсто въ связи съ его лодкой.

Когда лодка эта стояла еще въ столицѣ возлѣ судостроительнаго завода, которому поручено было ея оборудованіе, посѣтилъ ее какъ-то нашъ главный морской начальникъ совмѣстно съ однимъ иностраннымъ морскимъ агентомъ. Осматривали ее они и пользовались указаніями при посредствѣ начальника этого завода.

Когда, однако, офицеры стоявшаго тутъ же и готовящагося на войну крейсера тоже пожелали осмотрѣть эту лодку, то заводомъ имъ было въ этомъ отказано, что заставило одного изъ офицеровъ крейсера даже подать по этому поводу рапортъ, но резолюція, положенная на этотъ рапортъ, навсегда отбила у офицеровъ желаніе потомъ возобновлять свою просьбу.

Спрашивается, кто же имѣлъ больше правъ на посѣщеніе судна, стоявшаго подъ военнымъ флагомъ: офицеръ, служащій подъ этимъ флагомъ, или же посторонній человѣкъ, хотя бы онъ являлся въ качествѣ начальника завода или иностраннаго агента?..

20-го апрѣля.

...Передъ отправленіемъ насъ на войну было строгое предписаніе—не пропускать безъ соотвѣствующихъ билетовъ на лодки даже морскихъ офицеровъ. Здѣсь же, на войнѣ, секретъ оберегался почему-то уже менѣе ревниво...

Вообще сначала все, что касалось лодокъ, было обставлено ужасной тайной; воспрещалось даже упоминать о существованіи у насъ подводныхъ лодокъ, и если кто-нибудь нечаянно оговаривался передъ начальствомъ, какъ оно тотчасъ же строго спѣшило исправить его ошибку:

„—О какихъ это подводныхъ лодкахъ вы говорите?!.. у насъ такихъ не имѣется... вамъ это не мѣшало бы знать!..“

Мнѣ всегда это напоминало славныя времена одного нашего вліятельнаго князя:

— Вы изволите слишкомъ много говорить о социалистахъ!..

— Противъ, ваше сіятельство!..

— Все равно, не надо и противъ! Соціалистовъ просто нѣту!..

— Охъ, есть, ваше сіятельство! къ сожалѣнію, есть!..

— Ну да! Они, можетъ-быть, и есть; но официально ихъ не числится!.. примите это къ свѣдѣнію!..

И князь отечески добавлялъ:

— Зачѣмъ дразнить любопытство публики!..

Такъ и у насъ въ отрядѣ.

...Самъ портъ не держался инструкцій въ смыслѣ охраны секрета на подводныхъ лодкахъ. Такъ, однажды, въ виду недостатка отечественныхъ рабочихъ въ порту, ко мнѣ на лодку были присланы рабочіе-китайцы (по нѣкоторымъ причинамъ портъ оказывалъ имъ предпочтеніе). Такъ какъ, согласно всѣхъ предыдущихъ постановленій, ихъ допускать на лодки я не имѣлъ права, то всѣ эти рабочіе были отправлены обратно въ портъ, при чемъ одновременно былъ поданъ мной рапортъ съ просьбой дать разъясненія — остаются ли старыя инструкціи на этотъ счетъ въ силѣ. Отвѣта на свой рапортъ я не получилъ; зато рабочіе-иностранцы ко мнѣ больше уже не присылались.

...Нѣчто подобное было и съ секретными чертежами и планами лодокъ, которые были приняты каждымъ командиромъ безъ всякой расписки, и когда, наконецъ, на одной изъ лодокъ, спустя уже годъ, командиръ предъявилъ требованіе на всѣ секретные документы своей лодки, ихъ не оказалось... Полетѣли отношенія, телеграммы въ столицу — оказалось, что чертежи этой лодки должны

быть на рукахъ у командира. Однако расписки не было, настаивать было опасно, могли раскрыться упущенія, переписка затихла... Чертежи были отпечатаны новые... и требованіе командира удовлетворено...

3-го мая.

Вышелъ въ море...

...Рано утромъ увидѣлъ на горизонтѣ нѣсколько дымковъ, почему тотчасъ началъ поднимать якорь. Вскорѣ ясно обрисовались силуэты шести миноносцевъ, которые держали курсъ прямо на меня. Предполагая, что это непріятельскіе миноносцы, я хотѣлъ было начать погруженіе, чтобы принять атаку въ подводномъ состояніи, но... вспомнилъ предписаніе начальства — не нырять, да и кромѣ того рѣшилъ, что, при достоинствахъ моей лодки, погрузиться до приближенія миноносцевъ все равно не удастся.

Однако, стоять на мѣстѣ становилось безсмысленнымъ, поэтому снялся, далъ полный ходъ впередъ и пошелъ подъ берегомъ, думая проскочить за островъ незамѣченнымъ на его фонѣ. Но маневръ мой, повидимому, былъ обнаруженъ, такъ какъ группа изъ трехъ миноносцевъ отдѣлилась и пошла на пересѣчку мнѣ курса. Тогда, памятуя традиціи всѣхъ нашихъ героев настоящей войны, отдалъ приказаніе помощнику заложить у бензиновыхъ цистернъ два пироксилиновыхъ заряда... Но вдругъ, когда разстояніе уже сильно

сократилось, къ своему смущенію, узнаю свой флагъ — оказывается наши!.. Видно было, что и тамъ узнали меня, такъ какъ весь отрядъ быстро свернулъ въ сторону. Однако, не имѣя ни малѣйшаго желанія показывать, что мой-то полный ходъ былъ вызванъ желаніемъ избѣжать встрѣчи съ ними, я упорно продолжаю держать тотъ же курсъ, какимъ шелъ, и вскорѣ выхожу въ открытое море, гдѣ начало сильно покачивать.

Желая поскорѣе укрыться отъ качки, взялъ курсъ на ближайшій проливъ, которымъ хотѣлъ сократить путь.

Когда былъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ прохода, неожиданно былъ остановленъ непонятнымъ флагомъ на сигнальной береговой мачтѣ. Полѣзъ въ сигнальную книжку, одну, другую, — значенія этого флага никакъ и нигдѣ найти не могъ. Оставалось спросить семафоромъ: „Что означаетъ флагъ?“; получаю отвѣтъ: „Стоить сѣть миннаго загражденія“. Зная прекрасно, что здѣсь ея не должно быть, пораженный, спрашиваю: „Гдѣ?“; отвѣтъ: „Не знаемъ!“ Спрашиваю снова: „Свободенъ ли проходъ?“; получаю тотъ же отвѣтъ: „Не знаемъ!“...

Не понимая въ чемъ дѣло, и не видя цѣли подъема флага, значенія котораго, повидимому, не понимали даже и тѣ, кто его поднялъ на сигнальной мачтѣ; не зная, гдѣ загражденія, о которыхъ говорили съ семафора, и не желая поворачивать въ обратный тяжелый путь въ качку, даю приказаніе: „полный впередъ“... и благополучно

проскакиваю проходъ. А затѣмъ захожу въ бухту, гдѣ рѣшилъ остановиться на нѣсколько дней практики.

Вернусь, однако, къ разъясненію моего указа-нія на то, что, при встрѣчѣ съ предполагаемымъ непріателемъ, я сначала хотѣлъ было принять атаку въ подводномъ состояніи, но... вспомнилъ предписаніе начальства. Дѣло вотъ въ чемъ. Начальство мое, отправляя меня въ море и, конечно, зная прекрасно, какимъ опытомъ подводнаго плаванія я обладалъ, пройдя самый ничтожный его курсъ, и боясь взять на себя отвѣтственность, въ случаѣ гибели моего экипажа и катастрофы съ лодкой, рѣшило выйти изъ труднаго положенія и дало мнѣ, на всякій случай, предписаніе, конечно словесное,—въ теченіе этого „боевого похода“—не нырять...

При встрѣчѣ съ непріателемъ, моя лодка лишалась, такимъ образомъ, единственной своей защиты—воды, обезцѣнивая и всѣ средства нападенія, такъ какъ лодка этого типа являлась опасной для непріателя только въ подводномъ состояніи по той простой причинѣ, что только въ такомъ положеніи она могла пользоваться своими минными аппаратами.

Интересно, какую цѣль преслѣдовало тогда начальство, при отправкѣ въ море военнаго судна, на которое были затрачены большія средства и которое рисковало во время похода встрѣтиться и съ непріателемъ?..

Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ непріятель, при всемъ его знаніи своего противника, не рискнулъ бы даже предположить, что онъ безбоязненно можетъ подойти къ игрушечной лодкѣ и взять ее голыми руками—она, все равно, не посмѣетъ стрѣлять...

Прямо какая-то злая карикатура!.. Лодка подъ военнымъ флагомъ, имѣющая единственную защиту—воду, при встрѣчѣ съ непріателемъ, не посмѣетъ воспользоваться и этой защитой, такъ какъ на это нѣтъ разрѣшенія начальства...

Это что-то ужъ очень похоже на нашу Царь-пушку, которая никогда не стрѣляетъ, и на тотъ Царь-колоколъ, который никогда не звонить...

8-го мая.

Сегодня шестой день, какъ стою я въ бухтѣ и практикуюсь въ ныряніи, вопреки предписанію начальника, такъ какъ пришелъ къ тому заключенію, что если даже мои испытанія и завершатся катастрофой, то все равно моему начальнику уже некого будетъ привлекать тогда къ суду за нарушение приказанія; если же лодка благополучно закончитъ опыты и вернется невредимой въ портъ, то вѣдь... побѣдителей не судятъ.

Сегодня до обѣда совершилъ девятое по числу ныряніе за этотъ походъ.

Погрузился на дно на глубину 11-ти сажень въ расчетъ пробыть тамъ для опыта пять часовъ. Чтобы чѣмъ-нибудь занять время, на днѣ устроили мы маленькій концертъ: помощникъ сыгралъ на мандолинѣ, а затѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ команды играли на балалайкахъ. Слышно было, какъ гдѣ-то прошелъ пароходъ,—настолько отчетливо доносился шумъ отъ работы его винта.

Послѣ обѣда, который былъ изготовленъ на электрической кухнѣ, и который почему-то казался особенно вкуснымъ въ подводномъ царствѣ, прилегъ отдохнуть.

Отлично проспавъ часа два въ то время, когда на поверхности было свѣжо и покачивало, когда уже истекли желаемые пять часовъ, отдалъ приказаніе приготовиться къ подъему на поверхность.

Немедленно команда заняла свои мѣста по распisanію. Отдалъ приказаніе „продуть водяныя цистерны“.

Зашипѣлъ сжатый воздухъ въ трубахъ, быстро вытѣсняя воду изъ всѣхъ баластныхъ отсѣковъ, но лодка точно приросла ко дну,—не было замѣтно ни малѣйшаго ея движенія, что опредѣленно показывалъ глубомѣръ, который упрямо стоялъ на дѣленіи „11 саж.“. Становилось ясно для всѣхъ,—разъ весь водяной баластъ былъ уже за бортомъ и лодка не поднималась,—что ее засосало въ жидкій илъ...

Какое-то острое напряженіе водворилось въ лодкѣ...

Все вниманіе команды приковалось ко мнѣ.

Я сдѣлалъ невѣроятное усиліе сохранить хотя наружное спокойствіе, такъ какъ не было ничего опаснѣе въ такой критическій моментъ подь водой передать хоть малѣйшее волненіе кому-нибудь изъ матросовъ, изъ которыхъ каждый, имѣя отвѣтственную обязанность, подь вліяніемъ растерянности, могъ понадѣлать много непоправимыхъ и роковыхъ ошибокъ.

Мурашки, признаться, пробѣжали по тѣлу... Быть заживо погребеннымъ и не имѣть возможности

даже дать о себѣ знать — нѣтъ, конечно, ничего ужаснѣе. На этотъ случай каждый изъ насъ имѣлъ одно спасеніе — револьверъ...

Однако, надо было дѣйствовать... Рѣшили испытать послѣднее средство, которое въ подобныхъ обстоятельствахъ иногда являлось спасительнымъ: нужно было, давъ полный ходъ въ машинѣ, начать расшатывать лодку съ борта на бортъ, и попытаться такимъ путемъ вырвать ее изъ цѣпкихъ объятій жидкаго ила.

„— Что?.. Никакъ краббъ вчѣпился и держитъ?!“ — вдругъ среди этой напряженной атмосферы донеслись до меня слова, пророненныя однимъ матросомъ, который никогда не пропускалъ ни одного случая, чтобы не отпустить хоть что-нибудь похожее на остроту, чѣмъ былъ незамѣнимъ на лодкѣ, такъ какъ всегда свое шутливое настроеніе онъ передавалъ и всей командѣ, что въ другіе тяжелые моменты подъ водой было прямо таки драгоцѣннѣйшимъ кладомъ.

„— Это, братъ, не краббъ, а вѣроятно черимсъ!¹⁾“ — поторопился добавить я, чѣмъ неожиданно для себя вызвалъ взрывъ дружнаго смѣха, — я совершенно упустилъ изъ виду, что „черимсъ“ — это прозвище, данное командой начальнику нашей флотилии; да и кромѣ того позабылъ, что командѣ о „предписаніи начальника — не нырять“ вѣдь тоже было извѣстно.

¹⁾ Черимсъ — это видъ малыхъ раковъ.

А появился смѣхъ—явилось и спокойствіе, и хладнокровіе у всѣхъ. Моментально устроили искусственную качку, дали полный ходъ впередъ, и лодка дрогнула... Стрѣлка глубомѣра слегка запрыгала, затѣмъ быстро пошла къ нулю. Шумъ отъ паденія стекающей съ палубы воды и свѣтъ въ иллюминаторахъ командирской рубки скоро дали знать намъ, что мы уже на поверхности.

Какъ-то не хотѣлось вѣрить, что еще нѣсколько минутъ назадъ всѣ были на краю гибели... Слышались новыя шутки и смѣхъ команды, которая, послѣ пяти съ лишкомъ часовъ подъ водой, вся вывалила наверхъ „потянуть трубку“...

10-го мая.

Какъ и слѣдовало ожидать, когда вчера, по возвращеніи меня съ похода, начальство узнало о произведенныхъ мной испытаніяхъ лодки безъ его соизволенія, оно не только не выразило своего неодобренія, но, наоборотъ, еще похвалило меня за мужество и другія качества...

11-го мая.

Сегодня опять въ море...

Туманъ страшный... Иду малымъ ходомъ въ полуподводномъ состояніи, такъ какъ получилъ предупрежденіе, что въ морѣ появились какія-то подозрительныя суда—надо быть наготовѣ.

Около 4 часовъ дня, дѣйствительно, возлѣ берега, когда немного прояснило, сигнальщики замѣтили какой-то дымокъ. Пришлось принять подводное положеніе и пойти по перископу, такъ какъ при конструкціи моей лодки подойти незамѣтно къ непріятелю иначе было немыслимо.

Вдругъ по глубомѣру, а затѣмъ по иллюминаторамъ рубки, въ которыхъ начало замѣтно свѣтлѣть, что бываетъ только при приближеніи лодки къ поверхности,—я неожиданно замѣтилъ, что противъ всякаго желанія поднимаюсь на поверхность. Далъ приказаніе рулевому „топиться глубже“, но въ ту же минуту послышался шумъ падающей воды,—знакъ, что палуба наша была уже выше уровня воды, т.-е. лодка всплыла. Въ открывшіеся иллюминаторы рубки я, къ крайнему своему удивленію, замѣтилъ, что лодка продол-

жала свой ходъ, имѣя всю свою надстройку надъ водой...

Не скажу, чтобы близости непріятеля такое положеніе показалось мнѣ пріятнымъ.

Ожидая всегда, при ходѣ лодки подъ водой, всякихъ случайностей, я тѣмъ не менѣе совершенно не могъ объяснить себѣ причины неожиданнаго подъема лодки съ глубины, въ особенности послѣ ряда опросовъ сигналами людей относительно водяного баласта и положеній руля... Полученные отвѣты и показанія приборовъ еще болѣе только должны были меня удивить, такъ какъ водяной баластъ оставался безъ измѣненій, какъ и при ходѣ на глубинѣ, руль же лежалъ „на полное потопленіе“...

Я началъ уже теряться во всевозможныхъ догадкахъ, какъ вдругъ глубомѣръ и темнота въ иллюминаторахъ и перископѣ показали новое и усиленное погруженіе лодки...

Пришлось немедленно принять мѣры, чтобы предупредить возможность и опасность для лодки зарыться на большую глубину, гдѣ она можетъ подвергнуться страшному риску быть раздавленной... Вскорѣ она снова выпрямилась и пошла прямо... Пришла въ голову мысль—не перескочили ли мы какую-нибудь, неотмѣченную на картѣ, мягкую и пологую отмель; иначе трудно было объяснить причины, почему мы выскочили на поверхность. И я уже началъ было радоваться мягкости грунта на отмели, что избавило лодку отъ возможныхъ

непріятностей, какъ вдругъ услышалъ сильный толчокъ въ носу, сначала съ одного борта лодки, затѣмъ съ другого, о какое-то препятствіе, такъ какъ лодку отбросило въ сторону отъ ея курса, а затѣмъ послышались повторные рѣзкіе удары снизу, и глубина снова пошла на убыль. Пришлось тотчасъ же застопорить машину и дать „полный назадъ“... Кромѣ того немедленно принялъ мѣры къ подъему на поверхность, такъ какъ испугался за корпусъ лодки; да и къ тому же, при такомъ плаваніи въ царствѣ камней (хотя на картѣ значилась глубина 28 саж.), кромѣ всякихъ опасностей отъ пробоины, былъ еще рискъ заклинить между камнями, чтобы потомъ уже никакими раскачиваніями, ни ходомъ, ни какими другими средствами не выбраться на поверхность...

...Пробродивъ въ полуподводномъ состояніи до захода солнца и не найдя такимъ образомъ того, что искалъ,—взялъ курсъ въ закрытую бухту, чтобы дать отдыхъ командѣ и себѣ...

13-го мая.

Сегодня въ нашей подводной семьѣ—новое несчастье. Какой-то рокъ преслѣдуетъ одну изъ нашихъ лодокъ.

Въ то время, когда, по счастливой случайности, на этой лодкѣ было только двое людей, на ней раздался сначала глухой взрывъ, затѣмъ другой, болѣе грандіозный, и столбъ пламени и густого дыма поднялся изъ люка лодки. Одинъ изъ матросовъ какимъ-то чудомъ успѣлъ выскочить изъ нея; спасти же другого не было никакой возможности, такъ какъ снова послѣдовалъ рядъ взрывовъ: лодка начала погружаться и вскорѣ совершенно скрылась подъ водой, унося съ собой новую жертву ¹⁾; погибъ пришедшій въ гости „землякъ“ одного изъ команды.

Теперь у мѣста гибели хлопочетъ начальство, которое, изъ боязни новаго взрыва, держится на самомъ почтенномъ разстояніи...

¹⁾ Это та же лодка, на которой произошла до отправленія ея на войну ужасная катастрофа, повлекшая за собой гибель 25 человѣкъ команды.

Работают водолазы... Подведены подъемные краны...

Снова поднимут это несчастное судно, снова исправят, снова израсходуют большія деньги, а причины несчастія, стоившаго только случайно жизни одного, а не всего экипажа, несомнѣнно будутъ отнесены къ пункту, который у насъ во многихъ случаяхъ является спасительнымъ: „къ неизбѣжнымъ въ морѣ случайностямъ“...

Къ вечеру на нашъ портъ обрушилось новое несчастіе.

Вотъ ужъ, дѣйствительно, вѣрно: пришла бѣда—открывай ворота...

Съ моря вернулся нашъ лучший крейсеръ съ большой минной пробоиной. Самое ужасное, что произошло это именно въ то время, когда, въ виду предстоящаго генеральнаго боя, должно быть напряженіе всѣхъ нашихъ силъ.

Стыдно сказать, но съ этимъ крейсеромъ, въ эту войну побившимъ рекордъ на число пробоинъ отъ минъ и камней,—это уже пятая катастрофа.

Не хочется вѣрить, но задѣлка послѣдней пробоины на этомъ крейсерѣ обошлась казнѣ ни мало ни много въ 340.221 рубль, — стоимость цѣлаго контръ-миноносца.

Не могу не отмѣтить слѣдующій фактъ.

Когда съ моря послѣдній разъ вернулся этотъ злополучный крейсеръ, въ нашемъ единственномъ сухомъ докѣ стоялъ другой крейсеръ, который

уже около 10 мѣсяцевъ чинился отъ своей пробоины ¹⁾, и все не могъ никакъ отъ нея излѣчиться, несмотря на то, что требовалъ на это лѣченіе колоссальныхъ средствъ,—поэтому въ порту заказанъ былъ кессонъ, съ помощью котораго и должна была производиться задѣлка полученной крейсеромъ пробоины.

Нагнали плотниковъ—работа закипѣла...

Интересно однако,—пятого числа этотъ злополучный крейсеръ все-таки былъ введенъ въ докъ взамѣнъ другого, неизлѣчимо-больного, который временно вывели изъ дока, между тѣмъ шестого, седьмого, восьмого и далѣе экстренныя работы плотниковъ на кессонѣ все еще продолжались, хотя надобности въ немъ уже и не предвидѣлось; между тѣмъ почти всѣ требованія съ флотиліи подводныхъ лодокъ о присылкѣ плотниковъ портомъ оставлялись безъ удовлетворенія подъ предлогомъ, что плотники заняты въ порту „весьма срочными работами“.

1) Крейсеръ этотъ въ самомъ началѣ войны налетѣлъ на камни возлѣ самаго порта и въ теченіе всей войны не принималъ уже никакого участія, хотя портъ имѣлъ полную возможность быстро исправить его.

21-го мая.

Уже недѣля, какъ я не брался за свой дневникъ... Послѣ 14-го мая нѣтъ силъ собрать свои мысли, нѣтъ возможности работать, думать и писать, настолько ошеломляющи послѣдствія этого ужаснаго дня—этой роковой черты въ исторіи нашего флота, настолько потрясающей кажется его трагедія... Только исторія въ состояніи будетъ подвести эти итоги, какъ подводятъ итоги дѣятельности человека для его послѣдняго некролога, когда онъ заканчиваетъ свой жизненный путь... Такъ закончилась исторія и нашего стараго флота.

14-го мая—ужасный день!.. Два нашихъ адмирала и четыре корабля сдались въ плѣнъ, и это послѣ гибели, отъ которой вѣтъ чѣмъ-то эпическимъ, нашихъ главныхъ силъ, гибели кораблей со всѣми ихъ экипажами...

„У русскихъ—какъ утверждаютъ иностранцы—не было недостатка въ мужествѣ. Бѣгству крейсеровъ въ нейтральный портъ и сдачѣ отряда можно противопоставить тѣ суда, которыя погибли на полѣ сраженія, ни минуты не прося помилованія. Надо обладать слѣпымъ героизмомъ, чтобы уме-

реть такимъ образомъ. Они выказали фанатизмъ, преисполненный величія, но этого было недостаточно, чтобы побѣдить“.

Молодые, лучшія силы флота вели его къ расцвѣту, но вся его организація, въ лицѣ руководителей, опредѣленно, ни минуты не отступая и не сомнѣваясь въ цѣли, привела къ тому неизбежному концу, который стоилъ тысячи жизней и милліоновъ народныхъ средствъ.

Давно уже забыли у насъ, что не силой дерутся, а умѣнемъ.

Французскіе адмиралы говорятъ, что они имѣютъ флотъ, состоящій изъ однихъ образцовъ; италіанскій — одинъ изъ морскихъ министровъ Италіи какъ-то сравнилъ съ морскимъ музеемъ; про нашъ же флотъ уже Императрица Екатерина Великая сказала, что у насъ „нѣтъ ни флота, ни моряковъ, и военные корабли походятъ на голландскихъ рыбаковъ, выходящихъ на ловлю сельдей“.

Прежде, хотя морское дѣло и было дѣломъ гораздо менѣе сложнымъ, чѣмъ теперь, все-таки адмиралы другой разъ имѣли мужество сознаться въ своей непригодности. Такъ, напримѣръ, Мораръ-де-Галь въ 1796 году передъ экспедиціей высадки на берега Великобританіи писалъ французскому министру Трюге и жаловался на свои физическіе и умственные недуги въ такихъ выраженіяхъ, которыя очень собой напоминали самообличенія Медины Сидонія передъ походомъ 1588 года, а именно:

„...Долженъ вамъ сказать, что не обладаю ни однимъ изъ качествъ, необходимыхъ хорошему адмиралу. Плохое состояніе моего здоровья и горе подѣйствовали и на мои умственные способности и на зрѣніе... Я едва различаю предметы на разстояніи четырехъ шаговъ. Все это вмѣстѣ ставитъ непреодолимую преграду тому, чтобы мнѣ управлять движеніями эскадры...“

Наши же руководители морской силы, повидимому, упорно считали себя въ правѣ не видѣть дальше своихъ „четырехъ шаговъ“, но никоимъ образомъ не пожелали бы сознаться, не говорю—въ своихъ „умственныхъ недугахъ“, а хотя бы—въ плохомъ „зрѣніи“.

Путемъ взваливанія ни къ чему и никому ненужныхъ обязанностей; путемъ несенія пустой и неинтересной службы на военномъ кораблѣ, какой они постарались ее сдѣлать; при помощи „линьковъ“ и прочихъ возбудителей; нежеланіемъ чѣмъ-нибудь скрасить блѣдную жизнь экипажа въ часы его досуга; дурными примѣрами, исходящими изъ „каютъ-компаніи“; игнорированіемъ самыхъ элементарныхъ жизненныхъ запросовъ команды,—они довели, въ концѣ-концовъ, весь нашъ личный составъ до такого распада, что сами офицеры, какъ отъ чумы, бѣжали отъ своихъ подчиненныхъ, какъ только таковой попадалъ на берегъ; что въ каждомъ иностранномъ порту, гдѣ только экипажи нашихъ судовъ спускались на берегъ, приходилось краснѣть за безобразное ихъ поведе-

ніе, приходилось скрывать свою неловкость передъ тѣми, которые на пристаняхъ являлись свидѣтелями обычной для насъ картины, какъ за нѣсколько часовъ „гулянья“ команды на нашихъ шлюпкахъ росли кучи изъ ея „труповъ“.—Это въ мирное время..

Въ военное же время, когда наступило время расплаты, они остались такими же „трупами“, которые и наблюдались на палубахъ кораблей сдавагося отряда.

А что произошло съ офицерской средой?

Начиная со школьной скамьи, съ корпуса,—откуда не мало выходило, такъ сказать, „по шпаргалкѣ“, подъ руководствомъ допотопныхъ преподавателей, которые держались только потому, что ихъ питомцами являлись и министры, и бездарныхъ воспитателей, которые шли въ корпусъ только потому, что признавались негодными для службы на кораблѣ,—и далѣе, уже на пути офицера, служба для многихъ изъ нихъ представлялась или сплошной веселой и пьяной „компаніей“, или, въ лучшемъ случаѣ, только средствомъ для достиженія чиновъ.

Быстрое движеніе по службѣ не обуславливалось выдающимися способностями отличаемаго, а являлось скорѣй чѣмъ-то пріемственнымъ.

Въ то время, когда на каждомъ иностранномъ суднѣ пользовались всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы расширить свои познанія, чтобы внести и свою лепту труда для изученія той военной обстановки, въ которой могли разы-

гратся грядущія событія, для изученія характерныхъ особенностей будущаго врага, развѣ наши моряки стремились хоть сколько-нибудь пополнить эту свою сокровищницу знаній, развѣ они не заботились исключительно о такомъ плаваніи и такихъ стоянкахъ, которыя не мѣшали бы только веселой и безшабашной жизни каютъ-компаніи.

Даже тѣ, кто съ первыхъ же шаговъ рѣшался бороться у насъ съ общимъ теченіемъ, кто сразу пытался взглянуть на свое призваніе какъ на нѣчто священное, кто своими способностями начиналъ было отвоевывать себѣ исключительное положеніе на ряду съ общей посредственностью, — и они, въ большинствѣ, въ этой душной атмосферѣ какъ-то быстро теряли свои силы и, видя безцѣльность борьбы, складывали оружіе.

Хорошо, если способный офицеръ не успѣвалъ еще войти въ общій „морской фарватеръ“, и счастливый случай выносилъ его на палубы тѣхъ исключительныхъ у насъ судовъ, которыя какими-то отдѣльными оазисами, какъ бы случайно, появлялись въ отечественномъ флотѣ.

А сколько талантливаго и способнаго спивалось въ каютъ-компаніяхъ нашихъ кораблей?!

Законъ о цензѣ уже добилъ флотъ, уравнивъ бездарность съ талантливостью, и сдѣлалъ изъ корабля какую-то гостиницу, гдѣ каждый чувствовалъ только временное свое пребываніе, гдѣ не имѣлось ни общности интересовъ, ни намека на

общую солидарную работу, ни желанія сродниться со своимъ кораблемъ.

Тѣмъ, кому нуженъ былъ цензъ для быстраго движенія, прибрѣтали его и безъ плаванія—по приказу. Отдавался только приказъ о зачисленіи такого-то на такое-то судно, и счастливое „плаваніе“ для такого офицера начиналось, хотя нога его и не вступала другой разъ даже на палубу этого корабля, а офицеръ въ это время отдыхалъ гдѣ-нибудь въ отпуску за границей.

И вотъ изъ такихъ „цензовиковъ“, въ концѣ-концовъ, мы видимъ уже и руководителей, самыхъ бездарныхъ, самыхъ безпомощныхъ, самыхъ нерѣшительныхъ въ нужную минуту, какихъ только могла дать такая система...

Коснусь здѣсь нѣсколькихъ примѣровъ, которые покажутъ, какъ вообще отстала вся эта плеяда нашихъ руководителей, „заслуженныхъ“ адмираловъ, въ самыхъ даже элементарныхъ основахъ, отъ всего современнаго въ морскомъ дѣлѣ. Техника морского дѣла не идетъ, а скачетъ; чтобы не отставать отъ нея, необходимо, прежде всего, вѣчно учиться и постоянно плавать. Наши же „береговые“ адмиралы искали своего совершенствованія только въ техникѣ поступательнаго движенія по службѣ, и если прибрѣтали ее, то, конечно, не на кораблѣ среди тяжелыхъ условій, а въ блестящихъ салонахъ столицы...

Изъ двухъ адмираловъ, командовавшихъ нашими морскими силами, ни

одинъ даже не попытался до сихъ поръ выйти отсюда въ море хотя бы въ какой-нибудь изъ боевыхъ походовъ своей эскадры. Зато оба они проявляли энергичную дѣятельность на берегу. Одинъ изъ нихъ все свое искусство употреблялъ на писаніе приказовъ; другой даже и этимъ не отличался, а довольствовался тѣмъ, что былъ знаменить, такъ сказать, по старой памяти, такъ какъ когда-то, гдѣ-то и чѣмъ-то отличился, что и составляло постоянный предметъ его гордости.

Этотъ послѣдній адмиралъ особое недоброжелательство проявлялъ къ нашимъ подводнымъ лодкамъ.

„—И къ чему только эти лодки?!..—любилъ повторять онъ.—Терпѣть я не могу всѣхъ этихъ нововведеній!..“

Зато удивительно любилъ пожарныя тревоги на судахъ, которыми онъ всегда оставался тѣмъ довольнѣе, чѣмъ сильнѣе чувствовался бѣшенный экстазъ, подъ вліяніемъ котораго неслась на палубѣ къ своимъ мѣстамъ команда съ топорами, ведрами, ломами и швабрами. Адмиралу, конечно, и въ голову не приходило, что на современныхъ корабляхъ, при наличіи сильныхъ паровыхъ насосовъ и почти полного отсутствія дерева, всѣ эти атрибуты паруснаго флота давно уже пора было выбросить за бортъ, какъ совершенно негодный и излишній хламъ.

Во время своихъ двухъ-трехъ случайныхъ посѣ-

щеній нашей подводной флотиліи единственно на то онъ обратилъ свое вниманіе—это что на одной изъ лодокъ былъ „такой отвратительный запахъ“. Когда командиръ объяснилъ, что въ данное время на лодкѣ идетъ зарядка аккумуляторовъ, откуда неизбежно, даже при усиленной электрической вентиляции, и запахъ выдѣляющагося изъ батарей водорода, адмиралъ былъ непоколебимъ:

„—Какой тамъ водородъ?!.. Недосмотръ и больше ничего!“, а затѣмъ слѣдовало обычное его повтореніе, что онъ терпѣть не можетъ всѣхъ этихъ новыхъ изобрѣтеній...

Какъ-то разъ, обходя портъ, онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ производились водолазные работы. На маховикахъ водолазнаго аппарата по положенію работали два матроса, при чемъ медленное вращеніе этихъ маховиковъ, конечно, соответствовало въ данный моментъ и потребностямъ подачи воздуха работающему подъ водой человѣку, между тѣмъ незнающему элементарныхъ основъ водолазнаго дѣла такое медленное вращеніе маховиковъ аппарата естественно могло показаться и слѣдствіемъ нерадивости матросовъ, стоящихъ на этой работѣ.

Адмиралъ остановился, и лицо его приняло свирѣпое выраженіе.

„—Вы что же!—прикрикнулъ адмиралъ:—лѣнитесь?! этакіе мерзавцы! поставили двухъ болвановъ на работу, они и заснули. Веселѣй качать!..“

Приказаніе адмирала было тотчасъ исполнено..

зато работавшій на днѣ водолазъ безъ чувствъ вылетѣлъ съ глубины на поверхность...

Вообще это былъ одинъ изъ тѣхъ адмираловъ, про котораго у насъ ходили цѣлыя тучи легендъ и безчисленное множество анекдотовъ, имѣвшихъ, конечно, свою исторію.

Другой адмиралъ никакъ не могъ примириться, напримѣръ, съ тѣмъ, что современные суда употребляютъ въ машинѣ смазочное масло и жгутъ уголь, въ то время когда въ ихъ доброе старое время обходились и безъ этихъ „пачкающихъ военный корабль“ матеріаловъ. Онъ имѣлъ удивительно способнаго сотрудника, въ лицѣ своего флаг-капитана, которому онъ главнымъ образомъ и былъ обязанъ тѣмъ, что такъ долго умѣлъ продержаться на своемъ береговомъ посту командующаго несуществующими морскими силами, или какъ говорили—„тихими силами“.

Этотъ сотрудникъ пользовался тѣмъ преимуществомъ, что обладалъ поразительной способностью маскировать бездѣятельность всѣхъ своихъ начальниковъ, почему и приглашался каждымъ нашимъ главнымъ руководителемъ въ качествѣ особо-важнаго помощника.

Какъ результатъ этого сотрудничества, приведу слѣдующій, имѣвшій только на-дняхъ мѣсто, примѣръ.

Съ моря послѣ тяжелаго похода едва успѣлъ прибыть въ портъ отрядъ миноносцевъ, какъ нашъ „адмиралъ въ бѣлыхъ перчаткахъ“, дѣлавшій

всегда въ нихъ свои парады и смотры, и по нимъ мѣряющій свое настроеніе, явился на отрядъ въ сопровожденіи своего флагъ-капитана.

Адмиралъ обходилъ миноносцы... Не найдя ничего, къ чему можно было бы, такъ или иначе, привязаться, „адмиралъ въ бѣлыхъ перчаткахъ“ началъ спускаться въ машину одного изъ нихъ, которую послѣ тяжелаго и утомительнаго перехода истомленная команда едва успѣла подготовить къ параду. Уже спускаясь внизъ, адмиралъ мелькомъ взглянулъ на одну изъ своихъ бѣлыхъ перчатокъ и нахмурился—адмиралъ начиналъ становиться недовольнымъ...

Обойдя машину, онъ вдругъ остановился и потянулся къ одной изъ частей машины, дотронулся до нея своей бѣлой перчаткой и перекошил лицо... Но бодливой коровѣ, говорятъ, Богъ рогъ не даетъ, отъ этого же адмирала Онъ отнялъ способность говорить, не заикаясь, что являлось часто для многихъ спасеніемъ, такъ какъ потокъ его ругательства въдругъ изсякалъ...

Адмиралъ не въ бѣлыхъ, а уже въ грязныхъ перчаткахъ покинулъ отрядъ...

Черезъ нѣсколько часовъ посыльные, однако, разносили такой приказъ:

„Сего числа, посѣтивъ отрядъ миноносцевъ, я засталъ его въ самомъ отвратительномъ состояніи. Всюду грязь и мерзость, говорящая за то, что никому нѣтъ дѣла, чтобы навести хоть малую чистоту, не говоря уже о машинахъ этихъ мино-

носцевъ, которые мнѣ были представлены въ такомъ запущенномъ видѣ, какой не можетъ имѣть мѣста на военномъ кораблѣ.

„Посему, считая во всемъ отвѣтственнымъ отряднаго механика, въ зломъ попустительствѣ и преступномъ небреженіи къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, предлагаю ему въ трехдневный срокъ оставить крѣпость, такъ какъ въ крѣпости на осадномъ положеніи преступникамъ не мѣсто“.

Такимъ образомъ, отрядный механикъ и другіе офицеры отряда, только-что вернувшіеся изъ боевого похода, съ огромнымъ рискомъ перенесшіе всю тяжесть его на старыхъ и слабыхъ посудинахъ, истомленные ужасной качкой и жизнью въ невозможныхъ, совершенно некультурныхъ, условіяхъ, — преступники, только потому, что бѣлая перчатка адмирала коснулась масла въ томъ мѣстѣ машины, гдѣ оно и должно было быть.

Съ какимъ ужаснымъ пятномъ для людей непосвященныхъ покидалъ крѣпость безотвѣтный отрядный механикъ, безропотно перенесшій это глумленіе, — развѣ было дѣло адмиралу и сотруднику „укороченнаго образца“?.. Эффектъ былъ произведенъ, а до истины все равно никто не докопается...

Никому и въ голову не придетъ, что эти несчастные миноносцы напоминали собой тѣхъ пчелъ, которые, по разсказу одного помѣщика, были ве-

личиною съ воробья, но все-таки пролѣзали въ тѣсную скважину улья, „хотя это и было совершенно невозможно“...

„Вѣдь надо же въ улей попасть — ну и хоть тресни, а пролѣзаютъ!..“ поясняли помѣщикъ.

Наши сотрудники того же требовали и отъ миноносцевъ.

При просматриваніи представленной для утвержденія „Табели вещей и предметовъ, отпускаемыхъ на кампанію подводной лодкѣ“, одинъ изъ нашихъ адмираловъ какъ-то случайно остановилъ свое вниманіе на таблицѣ: „Зажигательныя свѣчи¹⁾ французскаго образца для бензиномотора—на кампанію двадцать-четыре штуки“.

Несомнѣнно въ головѣ адмирала немедленно мелькнула мысль:

„Почему это лодкамъ понадобились свѣчи французскаго образца, когда существуютъ, — да и до сихъ поръ всегда всѣ суда нашего флота ими пользовались, — обыкновенныя стеариновыя свѣчи казеннаго образца?.. Да и къ тому же 24 штуки—это ужъ что-то много,—на лодкѣ вѣдь есть свое электрическое освѣщеніе; вполне достаточно будетъ ей и двухъ фунтовъ“.

Тотчасъ же на поляхъ таблицы были сдѣланы соотвѣтствующія исправленія.

¹⁾ Специальныя свѣчи для вышескъ электрической искрой взрывчатой смѣси въ цилиндрахъ мотора.

Ошибка адмирала, конечно, скоро выяснилась, но, какъ оказалось, онъ „описался“...

Вотъ еще примѣръ. Какъ-то прошлой зимой въ срединѣ декабря вышелъ приказъ, предлагавшій командирамъ лодокъ выкачать за бортъ „въ воду“ находившійся въ цистернахъ лодокъ бензинъ. Мотивъ этого приказанія исходилъ, конечно, изъ боязни для начальства считаться въ теченіе всей зимы съ предосторожностями на лодкахъ, при наличіи этого слишкомъ чувствительнаго къ взрыву матеріала.

Насколько неудачно, однако, было это приказаніе, можно судить по тому, что всѣ наши лодки, въ количествѣ восьми, стояли тогда бортъ-о-бортъ, слегка окованныя уже льдомъ. Если принять во вниманіе, что къ данному дню каждая лодка въ среднемъ имѣла въ цистернахъ даже не болѣе двадцати-пяти пудовъ бензина, то отсюда нетрудно представить, что получилось бы изъ того, если бы всю эту легковоспламеняющуюся массу мы выпустили, согласно приказу, за бортъ. Отъ малѣйшей искры, несмотря на самыя тщательныя предосторожности, образовалось бы море огня, въ которомъ мы погубили бы не только свои лодки и блокшивъ, возлѣ котораго были ошвартовившись, и гдѣ находились всѣ наши склады, но и близстоящія суда...

Получивъ однимъ изъ первыхъ этотъ приказъ, я немедленно отправился къ начальнику и доложилъ ему о громадныхъ и серьезныхъ послѣд-

ствіяхъ, которыя неминуемы въ томъ случаѣ, если тотчасъ же не послѣдуетъ отмѣны этого приказа.

По счастью, доводы мои настолько рѣшительно подѣйствовали на моего начальника, что онъ, даже не сопротивляясь, рѣшился на немедленную отмѣну своего распоряженія...

Скажу, наконецъ, нѣсколько словъ о томъ нашемъ отрядѣ, который сдался непріятелю.

Развѣ можно было предвидѣть другой, болѣе достойный для него, жребій, если чуть ли не за два дня до боя на одномъ изъ броненосцевъ этого отряда было выражено открытое возмущеніе команды; на другомъ — командиръ еще задолго до рокового столкновенія съ непріателемъ уже началъ впадать въ истерику при встрѣчѣ даже мирныхъ „купцовъ“¹⁾, въ каждомъ изъ нихъ видя врага, и уже задолго сталъ держать передъ командой рѣчь, что „прежде чѣмъ сражаться, нужно вѣдь подумать и о томъ, какъ придется имъ спасаться“; на двухъ другихъ броненосцахъ — командиры, по выраженію экипажа, буквально „сомлѣли“ во время боя, и не принимали въ немъ никакого участія, предоставивъ полную свободу дѣйствій главнымъ судовымъ спеціалистамъ.

Когда на флагманскомъ броненосцѣ подняли сигналъ о сдачѣ, то этотъ сигналъ выражалъ въ тотъ моментъ общее настроеніе на этихъ судахъ,

¹⁾ Такъ называются у моряковъ коммерческіе пароходы.

изъ которыхъ каждый былъ радъ скорѣй прикрыть свою трусость адмиральскою простыней.

На броненосцахъ забыли, что адмиралъ этимъ самымъ сигналомъ могъ говорить только о личной сдачѣ, которая вмѣстѣ съ нимъ уже уничтожала и его власть.

Сигналь объ отступленіи во время боя 28 іюля, когда, по общему признанію, нашъ флотъ выигралъ сраженіе, такого же характера.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ флотъ не только имѣлъ право, но долженъ былъ уклониться отъ исполненія явно преступнаго и позорнаго приказанія, которое исходило отъ его начальниковъ.

Какъ далеки были въ этихъ двухъ случаяхъ наши руководители этихъ двухъ флотовъ отъ сознанія своего великаго долга передъ родиной, пусть скажетъ исторія.

Во время сраженія 2-го апрѣля 1801 года подъ Копенгагеномъ, когда англійская эскадра подъ командой Нельсона, на которой былъ сосредоточенъ главный огонь непріятеля, начала терпѣть отъ него слишкомъ большой уронъ, командующій англійскимъ флотомъ адмиралъ Паркеръ поднялъ сигналь объ отступленіи. Однако, когда Нельсону доложили объ этомъ рѣшеніи его начальника, онъ взялъ зрительную трубу, приложилъ ее къ тому глазу, котораго былъ лишенъ въ бою, и воскликнулъ: „Клянусь честью — не вижу такого сигнала!“ И выигралъ сраженіе...

Вообще уже давно слѣдовало бы совершенно уничтожить ту статью нашего Морского Устава, въ которой предусматривается возможность сдачи корабля непріятелю ¹⁾.

Случай съ однимъ изъ крейсеровъ нашего отряда, который, имѣя на борту болѣе половины израненной команды, сильно разстрѣлянный и брошенный на произволъ судьбы, окруженный непріателемъ, все-таки не спустилъ своего флага,— говорить о томъ, что всегда есть возможность уничтожить корабль на глазахъ непріятеля, и въ то же время не погубить и команды, которая во многихъ случаяхъ можетъ рассчитывать на спасеніе.

Въ заключеніе, наконецъ, коснусь примѣра, который относится къ прорыву одного нашего крейсера изъ числа оставшихся къ концу боя пяти судовъ, и который наглядно покажетъ, имѣли ли мы вообще-то право рассчитывать хоть на малый успѣхъ въ дѣлѣ той армады, гдѣ все было построено исключительно только на трехъ нашихъ національных принципахъ: „авось, небось и какъ-нибудь“, и гдѣ царила полная неосвѣдомленность даже во-

¹⁾ Необходимо отмѣтить, что ст. 354 Морск. Уст. въ февралѣ настоящаго года отмѣнена. Взамѣнъ ея внесена слѣдующая статья: „Командиръ корабля обязанъ уничтожить корабль, если послѣдній потерялъ всякую возможность продолжать бой и кораблю грозитъ опасность попасть въ руки непріятеля“.

кругъ такихъ предметовъ, игнорированіе которыхъ было гибельно и не только въ военное время.

Этотъ крейсеръ, вырвавшись изъ непріятельскаго кольца, имѣлъ полную возможность благополучно дойти до своего отечественнаго порта, который былъ цѣлью всей эскадры; но оригинально, что на этомъ крейсерѣ не знали, что этотъ портъ не блокированъ. Кромѣ того, придя въ одну изъ бухтъ, расположенную всего въ 180 миляхъ отъ главнаго отечественнаго порта, крейсеръ, сильно нуждаясь въ углѣ, повидимому, не зналъ, что въ 18-ти миляхъ отъ него, въ другой бухтѣ имѣлся и уголь, и телеграфъ, по которому онъ могъ снестись даже съ портомъ.

Даже считаясь съ ужаснымъ потрясеніемъ экипажа этого крейсера, пережившаго тяжелую картину полного разгрома родного флота, трудно понять, почему командиръ, зная изъ карты о близости большой, глубокой и населенной бухты, избралъ своею цѣлью не ее, а сосѣдній заливъ.

„Входя въ бухту, этотъ крейсеръ налетѣлъ на камни, и командиръ, слѣдую традиціи своихъ соотечественниковъ, взорвалъ и покинулъ свой корабль“ ¹⁾.

Видно было, что командиръ этого судна, выскользнувъ, что называется, изъ рукъ несравненно сильнѣйшаго противника, не сознавалъ, что своими послѣдующими дѣйствіями онъ опредѣ-

¹⁾ Изъ „Критическихъ очерковъ войны“.

ленно шель по наклонной плоскости съ верховъ достигнутой имъ удачи.

Вскорѣ онъ былъ пожалованъ высшей боевой наградой...

Мѣтку характеристику „особенныхъ заслугъ“ этого боевого офицера далъ одинъ изъ его подчиненныхъ, который какъ-то на мой вопросъ, за что получилъ его начальникъ свои ордена, отвѣтилъ:

„—А очень просто: третій орденъ онъ получилъ потому, что у него было уже два; второй—потому, что получилъ первый, а первый—потому, что не имѣлъ ни одного; высшую же боевую награду онъ, конечно, получилъ потому, что ее получили уже другіе...“

Итакъ, вотъ тѣ наши наставники, подъ руководствомъ которыхъ протекала наша служба во флотѣ, которые въ мирное время являлись организаторами нашей морской силы, а въ военное—вдохновителями походовъ и начальниками всякихъ эскадръ, отрядовъ и судовъ, обреченныхъ на самую жалкую участь, и по адресу которыхъ уже давно пора было сказать:

„Ты стара, ты слаба и никогда лучше не будешь!..“

Правъ былъ Массильонъ: высшія должности у насъ, дѣйствительно, похожи на скалистыя мѣста, куда забираются одни орлы и пресмыкающіяся...

Къ сожалѣнію только, на всѣхъ „скалистыхъ мѣстахъ“ у насъ во флотѣ первые—величайшая рѣдкость.

Путь, которымъ издавна слѣдовалъ нашъ флотъ
подъ руководствомъ обитателей этихъ „скалистыхъ
мѣстъ“, неуклонно шелъ на эти скалы, и вотъ
почему—отъ всей нашей громады, которая стояла
милліоновъ народныхъ денегъ, отъ всей этой ка-
жущейся силы вдругъ остались одни обломки...

5-го июня.

Сегодня вернулся я изъ „боевого похода“, результаты котораго оказались настолько нелѣпы, что я не могу не занести его на страницы своего дневника.

Планъ этого „боевого“ похода заключался въ слѣдующемъ.

Минный транспортъ долженъ былъ итти къ мѣсту возможнаго присутствія непріятельскаго флота и, поставивъ поблизости его сѣть минныхъ загражденій, вернуться. На другомъ транспортѣ лежала обязанность обнаружить непріятеля, и, отступая, завлечь его на это загражденіе, на которомъ, предполагалось, должны были погибнуть главные силы противника. Отступая такимъ образомъ далѣе, этотъ транспортъ долженъ былъ навести преслѣдующаго его непріятеля, уцѣлѣвшаго при прорывѣ черезъ загражденія, на нашъ броненосный крейсеръ, который, въ случаѣ перевѣса силъ противника, принявъ погоню, долженъ былъ завлечь его на подводныя лодки, которыя въ заключеніе и должны были его окончательно уничтожить. Отряды изъ двухъ истребителей и

шести миноносцевъ должны были содѣйствовать плану.

Составители плана однако забыли самое главное, что слабый транспортъ, со своимъ двѣнадцатиузловымъ ходомъ, первымъ же выстрѣломъ былъ бы потопленъ, или же съ успѣхомъ атакованъ непріятельскими миноносцами.

Какъ бы то ни было, однако въ опредѣленное время участники похода расположились согласно директивъ.

Я на своемъ подводномъ суденышкѣ занялъ мѣсто возлѣ одной изъ бухтъ, куда, предполагалось, наши будутъ спасаться отъ преслѣдованія, и къ назначенному часу, въ ожиданіи непріятеля, принялъ полуподводное положеніе, дабы безъ замедленій, если бы явилась необходимость, принять боевое положеніе и итти въ атаку.

Что же, однако, дѣлали въ это время другіе участники похода?

Минный транспортъ удачно поставилъ загражденіе и благополучно вернулся въ портъ.

Другой транспортъ, находясь уже въ сферѣ возможнаго присутствія противника, вдругъ вдаль замѣтилъ стелющіеся дымки—признакъ быстро идущихъ судовъ. Когда разстояніе нѣсколько сократилось, съ транспорта разобрали: впереди полнымъ ходомъ шли два истребителя и вслѣдъ за ними, въ отдаленіи, отрядъ изъ восьми миноносцевъ. Становилось очевиднымъ—планъ начиналъ осуществляться: два миноносца—это наши, отрядъ

въ отдаленіи—непріятель, въ чемъ не было никакого сомнѣнія, такъ какъ, согласно плану, въ походѣ участвовали отряды миноносцевъ: изъ двухъ и шести; во второмъ же отрядѣ ихъ ясно можно было насчитать—восемь.

На транспортѣ пробили боевую тревогу.

Вскорѣ непріятель былъ уже настолько близко, что пора уже было начинать пристрѣлку, такъ какъ разстояніе, благодаря большому ходу миноносцевъ, быстро сокращалось. Артиллерійскій офицеръ начинаетъ волноваться и настаиваетъ передъ командиромъ на немедленномъ открытіи огня...

Но въ это время съ перваго отряда по семафору вдругъ передаютъ извѣстіе, что „непріятеля не видѣли“. Оказывается, отрядъ изъ восьми миноносцевъ—тоже наши. Съ отчаяніемъ и въ смущеніи артиллерійскій офицеръ командуетъ „отбой“.

Но почему же, однако, отрядъ, долженствовавшій, согласно плану, заключать въ себѣ шесть миноносцевъ, вдругъ явился въ походъ въ количествѣ восьми?

Оказывается, когда создавался планъ, эти лишніе два миноносца были въ ремонтѣ, который къ выступленію отряда имъ удалось закончить, почему они и присоединились къ нему; между тѣмъ участники всей этой экспедиціи объ этомъ не освѣдомлялись.

Чѣмъ, однако, могла завершиться такая неосвѣдомленность, если бы транспортъ открылъ огонь, какъ на этомъ и настаивалъ артиллерійскій офи-

церь, который въ своемъ требованіи „открыть огонь“ былъ вполне правъ, такъ какъ подпускать миноносцы на болѣе близкую дистанцію становилось уже небезопасно?

Гдѣ былъ и что дѣлалъ въ это время нашъ броненосный крейсеръ, который долженъ былъ оказать поддержку транспорту,—неизвѣстно, такъ какъ только поздней ночью присоединился онъ къ нашему отряду, и тоже, конечно, не безъ тревоги былъ принятъ за непріятеля.

Моя же роль, въ концѣ-концовъ, свелась къ тому, что три раза мнѣ все приходилось погружаться и „итти въ атаку“, такъ какъ сначала—два первыхъ истребителя, затѣмъ—слѣдующій отрядъ изъ восьми миноносцевъ, и наконецъ—транспортъ я все принималъ за непріятеля.

Этотъ походъ еще разъ показалъ, сколько, даже при самомъ небольшомъ числѣ участвующихъ судовъ, и даже при отсутствіи непріятеля, является у насъ путаницы и недоразумѣній.

Однако не трудно представить, что осталось бы отъ всего этого плана, если бы непріятель пошелъ навстрѣчу нашему желанію и дѣйствительно гдѣ-нибудь показался?!

12-го іюня.

Сегодня нашъ отрядный начальникъ получилъ высшій боевой орденъ.

Получилъ онъ его не потому, что принималъ участіе въ бою,—такъ какъ прежде всего такого блестящаго участія за нимъ не числится, на его долю даже не выпало случая видѣть врага,—но по той самой простой причинѣ, что онъ предусмотрительно представилъ къ такому же боевому ордену своего помощника за походъ, въ которомъ непріятель имъ хоть и не показывался, но зато повсюду и вездѣ „казался“.

А разъ помощникъ заслужилъ такой боевой орденъ, то какъ же не получить если и не высшій знакъ отличія, то во всякомъ случаѣ таковой же, и самому начальнику.

Долженъ сказать, что всѣ другіе командиры подводныхъ лодокъ, имѣвшіе въ большинствѣ столь же тяжелые походы, рисковавшіе такъ же, и ничуть не въ меньшей степени, столь же самоотверженные, какъ и ихъ бравый начальникъ съ еще болѣе бравымъ помощникомъ,—скромно отказались отъ возможности такимъ же путемъ „заработать“ столь блестящую награду.

Зато получилъ высшую боевую награду еще... и боцманъ одной лодки.

Эта лодка какъ-то обнаружила вдали что-то, похожее на судно; но такъ какъ у страха, говорятъ, глаза велики, поэтому ничего другого предположить не оставалось, какъ то, что это непременно миноносецъ, и обязательно непріятельскій.

Лодка, конечно, тотчасъ же погрузилась и „пошла въ атаку“. Что было дальше, трудно сказать,—такъ какъ въ этомъ отношеніи подводная лодка поставлена въ болѣе счастливое положеніе, чѣмъ всякое надводное судно, ибо на этомъ послѣднемъ невольными свидѣтелями всякой атаки являются также и многіе изъ команды, находящіеся наверху, между тѣмъ на подводной лодкѣ такимъ свидѣтелемъ можетъ быть только одинъ командиръ, какъ имѣющій въ своемъ распоряженіи перископъ, единственное средство видѣть все происходящее внѣ лодки,—во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, лодка кончила „атаку“, и когда всплыла на поверхность, непріятеля уже не стало...

Вскорѣ выяснилось, что, во время указанной атаки этой лодки, лодка начальника шла невдалекѣ отъ нея, и не удивительно, если ее, при богатомъ воображеніи, и приняли за непріятельскій миноносецъ, да еще „съ четырьмя трубами“, такъ какъ на верхней палубѣ лодки вѣдь могли быть люди, которые издалека, при томъ же воображеніи, могли превратиться и въ „дымовыя трубы истребителя“.

Какъ бы то ни было, но представить къ награ-
дѣ кого-нибудь, кромѣ боцмана, за эту атаку
все-таки было какъ-то неудобно, поэтому только
этотъ послѣдній и удостоился получить эту выс-
шую боевую награду, которую онъ долго, однако,
стыдился надѣть на себя, такъ какъ команда
сильно иронизировала и подсмѣивалась надъ
счастливымъ „кавалеромъ ордена“...

24-го августа.

Сегодня вышелъ отчетъ о стрѣльбѣ минами съ подводныхъ лодокъ за текущій годъ. Стрѣльба эта оказалась ниже всякой критики.

Вотъ причины такого неблестящаго состоянія этого единственнаго боевого оружія подводной лодки.

Учебныя мины, которыя отпускались нашимъ лодкамъ изъ запасовъ отряда, совершенно не годились для опытной стрѣльбы, въ виду ихъ сильной запущенности. Механизмы минъ постоянно были ржавые, и часто мина, выйдя изъ аппарата, или тонула, или оставалась на мѣстѣ, а то, въ лучшемъ случаѣ, описывала большую дугу, что въ обращеніи съ боевой миной являлось опаснымъ не для непріятеля, а скорѣй для самой лодки; были нерѣдки случаи, когда мина, при выстрѣлѣ, застревала въ аппаратѣ и во время хода лодки волочилась у борта; отъ неопытности въ опредѣленіи разстояній при посредствѣ перископа бывали случаи, что мина попадала... въ деревцо, мирно растущее на берегу.

Въ концѣ-концовъ комплектъ такихъ „учебныхъ“ минъ истощился, пришлось тронуть „не-

прикосновенный“ боевой запасъ, который оказался, къ нашему крайнему ужасу, не лучше этихъ старыхъ учебныхъ минъ...

Такому печальному состоянію запасовъ минъ для нашихъ подводныхъ лодокъ—мы были обязаны, кромѣ прочихъ причинъ, исходящихъ изъ небрежности, еще и матеріаломъ, изъ котораго изготовляется мина. Извѣстно, что мины Уайтхеда, употребляемыя судами нашего флота, выдѣлываются изъ стали, и лодка, имѣя такія мины снаружи незащищенными, пробывъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ морѣ, уже лишается своего наступательнаго оружія, такъ какъ механизмы минъ, при постоянныхъ погруженіяхъ лодки и отъ морской волны, покрываются ржавчиной, чѣмъ и лишаютъ ихъ движущіяся части правильной работы и приводятъ эти мины въ то негодное состояніе, которое всѣ наступательныя средства подводной лодки низводитъ только къ излишнему ея грузу.

Дабы избавиться отъ этого капитальнаго недостатка, въ прошломъ году, 27-го ноября, была собрана у насъ даже спеціальная комиссія изъ командировъ лодокъ и корабельныхъ инженеровъ порта, которая рѣшительно и единогласно пришла къ заключенію „о необходимости немедленной замѣны стальныхъ минъ бронзовыми и соотвѣтствующей передѣлки аппаратовъ“. Но это категорическое постановленіе людей съ опытомъ для пользы дѣла, однако, такъ и останется, конечно, безъ разрѣшенія, такъ

какъ когда еще соберется нашъ Главный Техническій Комитетъ—этотъ тормозъ всякихъ благоначинаній въ нашемъ флотѣ—санкціонировать его ¹⁾).

Если столь цѣнное и единственное оружіе подводныхъ лодокъ находилось въ такомъ ужасномъ и печальномъ состояніи, совершенно заброшено и абсолютно непригодно къ службѣ, то что же можно было требовать въ критическую минуту отъ нѣкоторыхъ ²⁾ нашихъ подводныхъ лодокъ, со всѣми ихъ драгоценными механизмами, со всѣмъ ихъ рѣшительнымъ и даже великолѣпно обученнымъ экипажемъ?..

1) Подводныя лодки до сего времени еще не дождались этихъ новыхъ минъ и необходимой передѣлки минныхъ аппаратовъ.

2) Нѣкоторыя наши подводныя лодки, нерусскаго происхожденія, вооружены бронзовыми минами при внутреннихъ аппаратахъ.

26-го августа.

Сегодня у насъ произошла новая катастрофа, которая опять обошлась намъ слишкомъ дорого: погибла жизнь двадцати человѣкъ и потеряно судно только потому, что командиръ ошибся и, вмѣсто „лѣво на бортъ“, приказалъ рулевому положить „право на бортъ“, вслѣдствіе чего и произошло столкновение двухъ судовъ, повлекшее за собой гибель одного изъ нихъ.

У насъ во флотѣ сохранилась архаическая и странная система: отъ команды „право на бортъ“ судно должно катиться влѣво, и, наоборотъ, если желаютъ свернуть вправо, командуютъ „лѣво на бортъ“, т.-е. совершенно противно тому, какъ это принято въ общежитѣйской практикѣ.

И вотъ тутъ-то нерѣдко даже опытные командиры въ минуты наибольшей опасности или нервнаго напряженія (напр., при проходѣ по опаснымъ мѣстамъ—узкостями, во время перестроеній или атаки и т. п.) не гарантированы отъ ошибки: подъ вліяніемъ момента они возвращаются къ привычнымъ жизнью правиламъ, временно отрѣшаясь отъ благопріобрѣтенныхъ,—иногда короткой службой,—условностей и командуютъ „право“ и „лѣво“

въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это всѣ рядовые обыватели.

Какъ бы то ни было, за ошибку своего начальника, который одинъ спасся, заплатили жизнью двадцать человѣкъ.

И вотъ хочется вѣрить, что хоть это ужасное несчастіе чему-нибудь да научить насъ наконецъ. Вѣдь это—не первая катастрофа отъ подобной ошибки рулевого или командира.

Не пора ли хоть теперь, послѣ столь тяжелаго урока, отрѣшиться отъ архаическаго правила, унаслѣдованнаго нашими моряками еще со временъ паруснаго флота: считать „правое“ „лѣвымъ“. Это правило, пожалуй, имѣло еще основаніе, когда руль переключивался людьми, стоящими непосредственно на румпелѣ руля; но теперь, при паровыхъ штурвалахъ, на которыхъ стоитъ только одинъ человѣкъ, и огромной быстроходности судовъ, надо заботиться объ облегченіи обязанностей, а никакъ не осложнять ихъ еще всякими условностями.

Въ этомъ отношеніи намъ не мѣшало бы поскорѣе послѣдовать примѣру другихъ флотовъ, уже отрѣшившихся отъ этой несообразности, гдѣ моряки вѣдь сродняются съ многими условностями службы постоянной жизнью на морѣ чуть не съ колыбели. Нашимъ же морякамъ слишкомъ трудно перевоспитать свои привычки за время непродолжительныхъ плаваній или стоянки „подъ вымпеломъ“ у портовой стѣнки...

2-го сентября.

Сегодня въ порту опять „недоразумѣніе“, подтверждающее поразительную недобросовѣстность работъ нашихъ портовыхъ инженеровъ-строителей, и еще разъ показывающее, насколько плохо поставлена организація строительства нашихъ портовъ, гдѣ, несмотря на огромныя средства, отпускаемыя на всѣ портовые работы, всѣ подряды исполняются изъ рукъ вонъ плохо.

Сегодня обвалилась въ воду почти вся бетонная стѣнка набережной порта, поглотившая огромныя средства на свое устройство, и только недавно законченная работами. Поплыла вмѣстѣ съ нею и вся насыпь набережной, почему, помимо подъема всѣхъ бетоновъ при помощи водолазовъ и подъемныхъ крановъ, потребуются еще очистка и углубленіе дна посредствомъ землечерпательныхъ машинъ.

Задолго до этой катастрофы были обнаружены уже прогибы нѣкоторыхъ мѣстъ стѣнки и трещины многихъ бетоновъ, почему возможность обвала легко могла быть еще предупреждена, если бы только въ свое время сдѣланъ былъ детальный осмотръ

бетонъ и выполнены необходимыя по укрѣпленію ихъ работы.

Одному изъ водолазныхъ офицеровъ отряда подводныхъ лодокъ было даже предложено портомъ организовать изслѣдованіе всей стѣнки при помощи водолазовъ, что тотъ охотно и принялъ на себя, — серьезно разработалъ планъ осмотра, набралъ даже партію водолазовъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, смѣта расходовъ, представленная этимъ офицеромъ по организаціи этихъ предупредительныхъ работъ, нашими портовыми инженерами принята не была и работы были отложены, какъ „не отвѣчающія дѣйствительной надобности“...

Результаты сказались.

На устройство „новой“ набережной будутъ конечно ассигнованы новыя средства...

Начнутся новыя работы... А инженеры отпишутся...

Вообще чортъ знаетъ, что творится у насъ въ порту ¹⁾.

Для примѣра сравню расходы порта по найму рабочихъ и лошадей за январь этого года и прошлаго. Цифры слишкомъ краснорѣчивы, чтобы дополнять ихъ еще какими-нибудь комментаріями.

¹⁾ Въ этомъ порту вообще царитъ такой хаосъ, который характеризуется изъ ряда вонъ выходящимъ фактомъ—со времени войны до настоящаго года онъ не представлялъ на ревизію своей матеріальной отчетности.

Оказывается, расходы прошлаго года по этой отчетности выражались въ суммѣ 27.654 рубля, а въ этомъ году на то же самое истребовано уже 54.898 рублей, т.-е. ровно вдвое больше противъ предыдущаго года.

Интересно, что въ одинъ и тотъ же день за одну и ту же работу китайцамъ платили и по 70 коп., и по 1 руб., и по 1 руб. 20 коп. Не потому ли портъ имъ и оказывалъ предпочтеніе передъ русскими рабочими, что при уплатѣ жалованья имъ не приходилось, по ихъ неграмотности, давать отчетъ въ выданной суммѣ?..

За поставленныхъ лошадей въ одинъ и тотъ же рабочій день платили и по 2 руб. 50 коп. и по 3 руб.

Въ отчетахъ въ числѣ рабочихъ дней, между прочимъ, показаны и Новый Годъ, и Пасха, и весь періодъ, когда нашъ портъ былъ охваченъ военнымъ возстаніемъ и когда, конечно, никакихъ работъ не производилось.

Дальше итти въ дѣлѣ злоупотребленій, кажется, дѣйствительно уже некуда...

Кстати не могу не указать и на два сухихъ дока, которые строятся въ нашемъ порту уже чуть ли не два десятка лѣтъ и все еще не готовы. Возмутительнѣе всего то, что оба они уже теперь дали трещины... но это, вѣроятно, не помѣшаетъ ихъ приѣмкѣ въ казну.

На этотъ счетъ мнѣ всегда вспоминаются приѣмки сооружений нашихъ портовыхъ инженеровъ ко-

миссіями не изъ специалистовъ-инженеровъ, а изъ совершенно некомпетентныхъ въ инженерномъ искусствѣ флотскихъ офицеровъ, въ которыхъ мнѣ самому не разъ приходилось участвовать. Это были приѣмки маячныхъ построекъ и всѣхъ сооружений дирекціи маяковъ и лоціи. Въ лучшемъ случаѣ во главѣ этой комиссіи стоялъ главный портовый инженеръ, который, конечно, всегда самъ являлся заинтересованнымъ въ приѣмкѣ. Не удивительно поэтому, что не было случая, чтобы такая „комиссія“ изъ строевыхъ офицеровъ хотя бы что-нибудь забраковала. Строителямъ была извѣстна слабая сторона такихъ приѣмокъ, и въ этомъ отношеніи они всегда умѣли обворовать комиссію—главное вниманіе обращалось на то, чтобы всѣ принимаемыя строения были аккуратно и красиво выкрашены, а что подъ этой краской, изъ какого матеріала сооружено это строеніе, долго ли оно сможетъ просуществовать — это никого не интересовало. Почему и были случаи, что комиссія благополучно принимала, на примѣръ, заборъ у маяка о трехъ сторонахъ, не поинтересовавшись даже узнать, а гдѣ его четвертая сторона, и почему онъ не законченъ...

Вообще симпатично живетъ нашимъ портовымъ инженерамъ: строить — что хотятъ, сдать — что хотятъ и берутъ — сколько хотятъ...

Не отстаютъ и другія наши портовые учрежденія.

Одной фирмѣ, напр., былъ данъ нарядъ на 200 метровъ проволоки (амилоцетатной) по цѣнѣ въ 4 р. 20 к.

за метръ, тогда какъ такую же самую проволоку обыкновенно пріобрѣтали по 27 к. за метръ.

Когда была обнаружена такая колоссальная разни́ца въ цѣнахъ на одинъ и тотъ же предметъ, главный минеръ порта поторопился сообщить, что въ нарядъ вкралась, очевидно, ошибка, причѣмъ цѣну въ 4 р. 20 к. надо считать не за одинъ, а за 100 метровъ; но, какъ оказалось впослѣдствіи, и это предположеніе не оправдалось.

Той же фирмѣ вскорѣ былъ данъ другой заказъ на поставку стальной проволоки въ 4 миллим. діаметромъ по 58 р. за пудъ и въ 1½ миллим. по 184 р. за пудъ.

Однако, оказалось, что и здѣсь въ нарядъ вкралась „ошибка“, потому что обычная цѣна такой проволоки такова: проволока въ 4 мм. идетъ по 3 р. 60 к. за пудъ и въ 1½ мм.—по 4 р. 60 к.

Развѣ не краснорѣчивы эти цифры?.. А такихъ примѣровъ я бы могъ привести еще многое-много, если бы не боялся за то, что мой дневникъ пріобрѣтетъ тогда толщину нѣсколькихъ томовъ.

О расхищеніи и возмутительномъ храненіи казеннаго имущества—даже какъ-то неудобно говорить, слишкомъ они вопіющи; охарактеризую ихъ только маленькимъ анекдотомъ. Во флотѣ существуетъ у насъ броненосецъ „Двѣнадцать Апостоловъ“. При сдачѣ какъ-то этого корабля однимъ изъ командировъ его новому преемнику, говорили, что новый командиръ принялъ отъ своего предшественника уже не „Двѣнадцать Апостоловъ“, а всего только „Одного“... да и то самаго грѣшнаго...

3-го сентября.

...Сегодня посѣтилъ я на своей лодкѣ бухту, расположенную невдалекѣ отъ нашего порта, гдѣ идетъ сборка трехъ истребителей.

Завѣдующій этой сборкой молодой корабельный инженеръ со слезами на глазахъ рассказывалъ мнѣ и возмущался положеніемъ дѣлъ на этихъ новыхъ элингахъ. Оказывается, миноносцы уже давно собраны, но машины ихъ „точно пропали“—всѣ телеграммы этого симпатичнаго инженера оставались безъ результата, между тѣмъ ему такъ хотѣлось видѣть скорѣй эти три контръ-миноносца вполне готовыми и на водѣ—онъ такъ много положилъ для этого своихъ усилій...

А вѣдь три лишнихъ истребителя—это большая помощь нашему слабосильному отряду миноносцевъ!..

Мнѣ невольно пришло на мысль, ужъ не идутъ ли и эти машины такимъ же экстреннымъ порядкомъ, какъ шли мины „съ отдѣльнымъ эшеленомъ“ для одной нашей подводной лодки...

24-го сентября.

Не могу не отмѣтить на страницахъ своего дневника оригинальный приказъ по нашему отряду, который вышелъ три дня назадъ, и который накладывалъ на насъ, кромѣ многихъ прочихъ, еще новую обязанность, ничего общаго съ мундиромъ морскаго офицера не имѣющую, а именно—обязанность послѣдовательнаго очереднаго дежурства по центральной телефонной станціи порта, при чемъ въ очередь этого дежурства былъ включенъ почему-то одинъ только отрядъ подводныхъ лодокъ.

„...Всякій дежурный по телефонной станціи офицеръ,—какъ гласила данная намъ инструкція,—обязанъ прежде всего контролировать переговоры абонентовъ...“

Итакъ, намъ рѣшили пристегнуть еще новую роль...

Примириться со всякой новой обязанностью, даже ничего общаго съ нами не имѣющей, такъ или иначе, было бы еще возможно, такъ какъ каждый изъ насъ уже издавна привыкъ къ всякаго рода неограниченнымъ возможностямъ, но отъ новой роли всѣ категорически отказались.

Протестъ, къ которому мы всё прибѣгли, основываясь даже на соотвѣтствующей статьѣ Морского Устава, былъ оставленъ начальствомъ, конечно, безъ всякаго вниманія.

По счастью, скоро выяснилась одна деталь этой нашей новой обязанности, которая и дала намъ возможность, такъ или иначе, примириться съ ней. Оказалось, что главный пунктъ инструкціи—„контролированіе переговоровъ“ постороннихъ лицъ—невыполнимъ по той простой причинѣ, что, при переговорахъ двухъ абонентовъ, включеніе параллельнаго аппарата „для контролированія“ на центральной станціи было невозможно, въ виду непригодности главнаго аппарата для таковой цѣли...

Новый примѣръ организаторскихъ способностей нашего начальства и его освѣдомленности, на которой оно часто основываетъ свои приказанія!..

Такъ или иначе, но дежурства эти начальство все-таки отмѣнить не пожелало, и они свелись къ пустому, ненужному для офицеровъ, препровожденію времени на телефонной станціи.

Итакъ, отнынѣ мы не только „подводники“, но еще и телефонисты!.. Слава Богу, хоть избавились-то отъ третьей роли, до сихъ поръ свойственной только одной корпораціи...

2-го октября.

Сегодня уже ровно недѣля, какъ я блуждаю въ морѣ на своей подводной лодкѣ, и все-таки какъ-то не хочется возвращаться въ портъ.

Надо было, однако, подумать и о командѣ, которая тоже вѣдь могла переутомиться отъ непрерывной работы въ этой тяжелой и опасной обстановкѣ. Каково же было мое удивленіе, когда на мое предложеніе вернуться къ отряду, команда хоромъ подхватила просьбу „еще поплавать“. И я вспомнилъ [одинъ нашъ миноносецъ, который послѣ каждаго своего похода возвращался съ моря непременно съ какимъ-нибудь серьезнымъ поврежденіемъ въ машинѣ, которое потомъ недѣлями заставляло простаивать его въ порту въ ремонтѣ; очевидно, на каждомъ суднѣ, какъ въ каждой семьѣ, возможна различная атмосфера: въ одной живетъ легко, а изъ другой—„душа вонъ просится“...

Признаться, это не могло не польстить моему самолюбію. Впервые на кораблѣ я почувствовалъ во всемъ экипажѣ судна такую громадную сплоченность, такую крѣпость внутренней организа-

ции, такую общность интересовъ и такой избытокъ силы, побѣждающій даже инстинктъ самосохраненія.

И дѣйствительно нельзя было не преклоняться передъ каждымъ изъ команды нашего отряда. Что пригнало его сюда, на подводныя лодки, въ это горнило опасности, гдѣ каждая минута могла стоить ему жизни, гдѣ на каждомъ лежала масса обязанностей и тяжелой работы, въ то время когда на большомъ линейномъ кораблѣ онъ могъ бы почти избавиться отъ нихъ. Офицеръ могъ еще рассчитывать у насъ на всякаго рода „благополучіа“, ничего вѣдь подобнаго уже не могъ ждать матросъ, между тѣмъ сколько безкорыстнаго служенія было видно въ каждомъ его шагѣ на лодкѣ, сколько идейнаго исполненія своего долга, чуждаго какихъ-либо эгоистическихъ цѣлей.

Послѣ обѣда и отдыха команды я рѣшилъ перейти изъ надводнаго въ подводное положеніе. На поверхности становилось очень свѣжо, появилась большая волна, почему лодку, лишенную килей, начало настолько сильно покачивать, что я сталъ опасаться поврежденія баковъ аккумуляторной батареи—появленіе сѣрной кислоты въ трюмахъ не особенно улыбалось мнѣ; я готовъ былъ примириться съ сосѣдствомъ даже другой лодки подъ водой, только ни въ коемъ случаѣ не съ сосѣдствомъ водорода и кислорода, которые сообща образуютъ гремучій газъ. Достаточно небольшой тогда искры, чтобы этотъ газъ произвелъ самый

ужасный и опустошающій взрывъ на лодкѣ; а вѣдь при наличіи въ ней массы электрическихъ приборовъ—недостатка въ такихъ искрахъ никогда не бываетъ. Насколько серьезны послѣдствія такого взрыва, мнѣ вспомнился случай съ одной лодкой въ Англіи, гдѣ, повидимому, такой же взрывъ превратилъ всю ея команду въ статуи: при подъемѣ лодки со дна, всѣ люди были найдены мертвыми въ томъ положеніи, которое говорило за то, что смерть поразила весь экипажъ мгновенно—никто не успѣлъ даже бросить своихъ занятій...

Когда я погрузился и пошелъ по перископу, страннымъ показалось, какъ сразу же исчезла качка, и лодка спокойно подъ водой устремилась впередъ. Перископъ почти все время заливало волной, но все-таки ориентироваться по немъ было еще возможно.

Вскорѣ однако волна настолько усилилась, что удары ея стали чувствоваться уже и на лодкѣ, и хотя она и продолжала довольно хорошо держать свой курсъ, тѣмъ не менѣе такіе толчки были опасны для верхней ея надстройки, поэтому я рѣшилъ погрузиться на такую глубину, гдѣ волна была уже безсильной противъ насъ. Для этого пришлось уйти подъ воду вмѣстѣ съ перископомъ, только изрѣдка показывая его на поверхности для необходимой ориентировки, и поддерживать курсъ по глубомѣру и жироскопу¹⁾, который пришлось

¹⁾ Жироскопъ—это особаго устройства подводный компасъ.

пустить въ ходъ взаимнѣ обыкновеннаго компаса. Дѣйствіе этого послѣдняго при погруженіи лодки становится очень неправильнымъ на томъ основаніи, что магнитная стрѣлка подъ водой теряетъ свои свойства.

Одинъ разъ, когда я всплылъ на поверхность, чтобы черезъ иллюминаторы рубки провѣрить свой курсъ, волна съ такой безумной силой ударила въ лодку, что почти вся команда попадала съ своихъ мѣстъ, и я едва удержался въ своей рубкѣ, а сама лодка такъ затряслась въ какой-то ужасной судорогѣ, что мнѣ показалось, что вотъ-вотъ она не выдержитъ и разлетится по частямъ... Поэтому я быстро поторопился снова нырнуть туда, гдѣ было поспокойнѣе.

Однако, долго идти въ такой непріятной обстановкѣ было невозможно; нужно было подумать и о чемъ-нибудь другомъ, къ тому же аккумуляторная батарея у меня была и безъ того уже довольно сильно разряжена. Къ счастью невдалекѣ находилась бухта, хотя сейчасъ и открытая для вѣтра, но не особенно глубокая и съ хорошимъ песчанымъ грунтомъ, куда, при желаніи, и можно было укрыться отъ непогоды.

Такъ и сдѣлалъ—взялъ курсъ на эту бухту; когда находился посрединѣ ея на глубинѣ около 18 сажень, остановилъ машину, почему тотчасъ вынырнулъ на поверхность, но вслѣдъ за этимъ немедленно прибавилъ пловучесть, отчего камнемъ полетѣлъ на дно...

Послѣ страшнаго на поверхности шума и рева волнъ, на днѣ насъ сразу окружила такая мертвящая, гробовая тишина, такая тьма, что даже намъ, уже привычнымъ къ такимъ рѣзкимъ перемѣнамъ, стало какъ-то жутко. Но все-таки такое сидѣніе на днѣ я предпочиталъ пребыванію на любомъ кораблѣ на поверхности въ такую дикую погоду.

Быстро, однако, человѣкъ, осваивается со всякой обстановкой; несмотря на глубину въ 18 саж., мой экипажъ скоро забылъ, что онъ на днѣ моря, и почувствовалъ такую потребность въ ѣдѣ, что не было никакой уже возможности удержаться отъ соблазна пустить въ ходъ электрическую кухню, и вскорѣ всѣ мы съ большимъ аппетитомъ принялись за свои „пайки“...

Былъ уже седьмой часъ вечера, когда я сталъ подумывать и о подъемѣ на поверхность, такъ какъ оставаться на ночь на такой довольно изрядной глубинѣ, и притомъ на днѣ, не представлялось особенно соблазнительнымъ, становиться же на подводный якорь тоже не хотѣлось.

Едва только успѣлъ я отдать распоряженія о приготовленіи къ подъему на поверхность, какъ вдругъ изъ командирской рубки съ блѣднымъ, страшнымъ лицомъ не появился, а буквально выбросился мой боцманъ, который за минуту до этого влѣзъ туда, чтобы опробовать тамъ всѣ приборы. Лицо его выражало такое изумленіе, такой нѣмой ужасъ, что у меня чуть не подкосились

ноги, я почувствовалъ, что быстро теряю остатки самообладанія.

„— Тамъ что-то... “— едва разслышалъ я его слова; больше ничего онъ не въ состоянїи былъ произнести и только какимъ-то рѣзкимъ, отчаяннымъ движеніемъ указалъ наверхъ.

Я собралъ въ себѣ все свое мужество и бросился въ рубку... Правда, тамъ самообладаніе вернулось ко мнѣ, но, тѣмъ не менѣе, зрѣлище, такъ ужаснувшее моего испытаннаго боцмана, поразило и меня,—сквозь иллюминаторы, въ темнотѣ, окружающей лодку, виднѣлся какой-то странный свѣтъ... Непрозрачность воды мѣшала разобрать, откуда онъ исходилъ, но было ясно одно: что онъ несомнѣнно находился гдѣ-то невдалекѣ отъ насъ, впереди лодки.

Первая мысль, что это какое-нибудь морское животное съ невѣдомымъ источникомъ свѣта, не особенно укладывалась въ моей головѣ, поэтому оставалось одно жуткое предположеніе—не находилась ли возлѣ насъ по сосѣдству какая-нибудь таинственная подводная лодка...

Когда я оправился отъ перваго остраго и всепоглощающаго впечатлѣнія, я рѣшилъ немедленно подняться на поверхность, хотя бы наверху ревѣлъ самый ужасный ураганъ.

По счастью, когда мы всплыли на поверхность, погода уже немного улеглась.

Когда я вылетѣлъ на верхнюю палубу, а за мной и мой боцманъ, все еще блѣдный, мы оба

остановились, какъ вкопанные, и я почувствовалъ, какъ постепенно краска смущенія стала покрывать мое лицо, и вслѣдъ за этимъ мы оба почти одновременно вдругъ разразились громкимъ смѣхомъ, наше вниманіе было сосредоточено на носу лодки, гдѣ мы неожиданно замѣтили причину нашего невольнаго на днѣ ужаса—на штагѣ почему-то горѣли опознательные фонари ¹⁾...

Вѣроятно, боцманъ, когда былъ въ рубкѣ, нечаянно для себя включилъ ихъ, за что первый же и былъ такъ жестоко наказанъ.

Удивительно, насколько однако тяжело отзывается на нервной системѣ продолжительное плаваніе подъ водой; достаточно другой разъ какой-нибудь мелочи въ подводномъ царствѣ, чтобы вызвать цѣлую бурю суевѣрнаго страха и неожиданной тревоги, отъ которыхъ такъ недалеко и до несчастія...

¹⁾ Штагъ—это стальной тросъ, который соединяетъ верхнюю часть командирской рубки съ носовою частью лодки. На этомъ штагѣ находились постоянные „опознательные фонари“, которые не снимались во время нырянія лодки, и которые служили для того, чтобы по особому сочетанію огней давать возможность отличать свои суда отъ непріятельскихъ.

4-го октября.

Сегодня утромъ вернулся я, наконецъ, къ своему отряду, который стоитъ сейчасъ въ бухтѣ невдалекѣ отъ порта.

Теперь нашъ отрядъ представляетъ уже солидную флотилію изъ цѣлой серіи подводныхъ лодокъ и одного транспорта, который служитъ для насъ нашей главной мастерской, гдѣ исправляются всѣ поврежденія лодокъ, нашимъ складомъ, гдѣ находится на храненіи все лишнее имущество отряда, общей нашей „каютъ-компаніей“, и наконецъ общимъ жильемъ, поэтому этотъ послѣдній и получилъ у насъ названіе „мамаша подводныхъ лодокъ“.

Сегодня во время обѣда на этой „мамашѣ“ мы были взволнованы непріятнымъ событіемъ, которое всполошило всю нашу каютъ-компанію.

Едва только всѣ наши „подводники“, вернушіеся съ утренней практики нырянія, усѣлись за столъ, какъ съ вахты вбѣжалъ въ каютъ-компанію разсыльный—съ извѣстіемъ, что съ одной лодкой несчастіе.

Всѣ, конечно, немедленно бросили обѣдъ и устремились наверхъ.

Оказывается, произошло слѣдующее.

Около полудня съ мостика нашего транспорта, который считался въ нашемъ отрядѣ флагманскимъ кораблемъ, сигнальщики неожиданно усмотрѣли подводную лодку, которая въ боевомъ положеніи приближалась къ бухтѣ; когда, уже вблизи, узнали въ ней одну изъ лодокъ нашего отряда, начальникъ приказалъ поднять сигналъ, которымъ предписывалось этой лодкѣ „присоединиться къ отряду и стать на бочку“.

Со словъ сигнальщика, который наблюдалъ за этой лодкой, немедленно послѣ подъема этого сигнала, онъ вдругъ замѣтилъ „какой-то столбъ воды и лодка пропала“...

Не было никакого сомнѣнія—что съ лодкой произошло какое-то несчастіе.

Немедленно были спущены шлюпки, и всѣ мы разсыпались по мѣсту предполагаемой катастрофы.

Погода, на удачу намъ, стояла прекрасная,—на поверхности моря не было замѣтно даже ряби, что должно было въ большой степени способствовать нашимъ поискамъ, такъ какъ мѣсто возможнаго несчастія лодки легко могло обнаружиться по признакамъ: либо пузырьками воздуха, идущими со дна, либо по маслянымъ пятнамъ на поверхности воды...

Однако, сколько мы ни старались найти что-либо похожее на эти признаки, такъ ничего подобнаго обнаружить намъ и не удалось.

Богъ вѣдаетъ, надолго ли еще затянулись бы эти наши непріятные поиски, и сколько еще времени мы продолжали бы волноваться за участь несчастной лодки, если бы случайно кому-то, благодаря телефону, который соединялъ нашу бухту съ портомъ, не удалось обнаружить, что та лодка, которую мы считали погибшей, преблагополучно стоитъ, ошвартовившись, у набережной порта.

Оказывается, эта лодка, проходя случайно мимо бухты, гдѣ мы стояли, рѣшила попутно не надолго зайти къ намъ, но когда замѣтила сигналъ, предлагавшій ей „присоединиться къ отряду и стать на бочку“, она резонно рѣшила, что гораздо пріятнѣе стоять въ порту у города, чѣмъ гдѣ-то въ бухтѣ и подъ бокомъ у начальства производить практику нырянія со всѣми прочими лодками отряда, почему снова нырнула и скрылась изъ вида, а затѣмъ преспокойно пошла въ портъ...

Подводная лодка вѣдь всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи возможность оправдаться, что она не видѣла въ перископъ сигнала „адмирала“ и потому не исполнила его приказанія...

7-го октября.

До какой наглости, однако, дошло „хозяйничаніе“ въ нашемъ порту. Отмѣчу слѣдующій случай, свидѣтелями котораго былъ весь экипажъ одного транспорта, снаряжавшагося здѣсь въ порту и ходившаго въ нашу осажденную непріателемъ крѣпость съ грузомъ орудій, боевыхъ запасовъ и продовольствія. Случай этотъ настолько циниченъ и возмутителенъ, что я на страницахъ своего дневника сдѣлаю для него нѣкоторое исключеніе—буду не совѣмъ скромнымъ.

Передамъ его со словъ участника похода этого злополучнаго транспорта.

Русскому обществу не мѣшаетъ познакомиться съ такими „детальями“ войны, которыя отъ него скрыты.

„Я былъ во Владивостокѣ, плавая на судахъ Тихоокеанской эскадры подъ начальствомъ адмирала С.

Собственно, плавали-то мы, а адмиралъ больше занимался „спасеніемъ отечества“, праздуя несуществующія побѣды и обильно поливая ихъ шампанскимъ.

Въ это время въ Портъ-Артуръ отправлялись военные транспорты съ боевыми припасами и провіантомъ.

Задачей этихъ транспортовъ было — прорвать японскую блокаду и принести помощь осажденной крѣпости.

Для этого морское вѣдомство покупало гдѣ-нибудь за границей старый пассажирскій или грузовой пароходъ, платило за него безумныя деньги, приводило во Владивостокъ и нагружало соотвѣствующимъ грузомъ.

Пароходы эти были такіе, что на нихъ не рискнулъ бы отправиться ни одинъ даже опытный морякъ. Но такъ какъ все это предназначалось въ Артуръ, который-де все покроетъ, — о морскихъ качествахъ такого судна не заботились.

Стали вызывать охотниковъ какъ изъ нижнихъ чиновъ, такъ и изъ офицерскаго состава. Перспектива интереснаго плаванія, наконецъ доля участія въ помощи осажденной крѣпости улыбалась многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ.

И вотъ на одинъ изъ транспортовъ, а именно — на „Уссури“, попалъ и я въ качествѣ штурманскаго офицера.

Прежде всего намъ объявили, что мы, т.-е. офицерскій составъ, не имѣемъ права вмѣшиваться въ нагрузку судна, такъ какъ нагружать будетъ самъ завѣдующій транспортами, а намъ сдадутъ уже запечатанными трюмы.

Мало того — намъ не позволяли даже позабо-

тись о томъ суднѣ, на которомъ мы должны были совершить такой большой и опасный переходъ.

Когда нашъ главный механикъ заявилъ въ порту, что упорный подшипникъ „Уссури“ напоминаетъ больше балерину, чѣмъ отвѣтственную часть машины, и что онъ долженъ быть неподвижнымъ,—ему цинично отвѣтили:

„—Ерунда! Какъ-нибудь дойдете! а не то, при встрѣчѣ съ японцами, взорветесь!..“

То же самое отвѣтили намъ, когда мы требовали исправленій на палубѣ или въ жилыхъ помѣщеніяхъ.

Нужно сказать, что транспортъ „Уссури“ былъ приобрѣтенъ при посредствѣ завѣдывающаго транспортами капитана 2-го ранга П., а раньше онъ былъ старымъ грузовымъ пароходомъ и стоилъ въ моментъ покупки тысячъ сорокъ, не больше. Заплачено же за него было что-то около милліона.

Нагрузили на него около четырехъ тысячъ тоннъ разной-разности, начиная отъ 12-дюймовыхъ снарядовъ и кончая солдатскими полусубками. За нѣсколько дней до отхода, на транспортъ начались „проводы“.

Къ намъ ѣздили всевозможныя начальствующія лица, во главѣ съ командующимъ флотомъ, сжимали насъ въ своихъ объятіяхъ и плакали у насъ на груди, поливая ее адмиральскими слезами.

Наконецъ, 3 декабря, на разсвѣтѣ, тронулись.

Въ Японскомъ морѣ насъ засталъ сильный штормъ.

И тутъ-то сказались морскія качества „Уссури“. Въ первую же ночь лопнулъ рулевой приводъ. Провозились до разсвѣта, кое-какъ починили и пошли дальше.

Около Сахалина лопнула главная паровая магистраль.

Чуть не обварило паромъ двухъ кочегаровъ, и тѣ спаслись только тѣмъ, что бросились на полъ машиннаго отдѣленія и пролежали на животѣ, пока ихъ не спасли.

Опять кое-какъ починили.

Но это поврежденіе было уже серьезнымъ. Исправленіе „домашними средствами“ было недолговѣчно, и нужно было подумать о болѣе прочномъ ремонтѣ.

Собрали совѣтъ и рѣшили зайти на постъ Корсаковскій (южная часть Сахалина).

Три дня пробивались во льду залива Анива, въ которомъ лежитъ Корсаковскій.

Наконецъ пришли, и при входѣ въ бухту подняли русскій военный флагъ.

Это, между прочимъ, спасло насъ отъ нѣкоторой непріятности.

Дѣло въ томъ, что въ Корсаковскомъ, какъ извѣстно, находится затонувшій крейсеръ „Новикъ“. Отъ него тогда мы застали только верхушку мачты, торчавшей изъ воды, и часть трубы. Все остальное находилось подъ водой.

На берегу же жила часть команды „Новика“, подъ начальствомъ мичмана М., и туда же были свезены орудія съ погибшаго крейсера.

Увидѣвъ неизвѣстное судно, администрація Корсаковского рѣшила, что это—авангардъ японцевъ, и рѣшила встрѣтить прибывшій пароходъ снарядами.

И только поднятый нами флагъ предотвратилъ неминуемую катастрофу!

Простояли въ Корсаковскомъ недѣлю, починились и пошли.

Прошли проливомъ Пико, между Курильскими островами, подъ самымъ носомъ японскаго маяка.

Въ Тихомъ океанѣ у насъ вырвало изъ котловъ всѣ продувательные краны, и опять провозились съ ремонтомъ два дня.

...23 декабря, у Пескадорскихъ острововъ, мы узнали отъ англійскаго парохода о сдачѣ Артура и возвратились назадъ.

Пришлось опять зайти въ Корсаковскій, чтобы пополнить запасы угля, и тутъ губернаторъ Сахалина просилъ нашего командира оставить ему четыре пулемета, такъ какъ предполагалось нашествіе японцевъ.

Спросили по телеграфу разрѣшенія у адмирала. Разрѣшили.

Открыли трюмы, достали пулеметы, но лентъ ¹⁾ къ нимъ не оказалось.

¹⁾ Ленты съ пулями отъ пулеметовъ.

Пооткрывали всё ящики, въ которыхъ должны были быть ленты, но вмѣсто нихъ нашли... камни и полѣнья.

Такъ лента для пулеметовъ и не оставили,— ихъ привезла посылъ „Эльза“.

Черезъ нѣсколько дней, по телеграфному приказу, мы вернулись во Владивостокъ.

Здѣсь насъ, очевидно, совершенно не ждали, и появленіе „Уссури“ въ бухтѣ Золотого Рога было для нѣкоторыхъ паденіемъ болида на голову.

Приступили къ разгрузкѣ, при чемъ разгружали уже сами.

И вотъ тутъ-то пришлось наблюдать такія сцены. Обрывается, примѣрно, со стропа бочка съ рыбой кетой:

Сверху—кета.

Въ серединѣ—камни.

Внизу—опять кета.

Или распарывается мѣшокъ съ мукой:

Въ серединѣ обыкновенный морской песокъ.

Полушубки оказались безъ рукавовъ.

Солдатскіе сапоги—безъ подошвъ.

Кромѣ того, нехватило артиллерійскихъ снарядовъ.

На двѣсти съ чѣмъ-то тысячъ рублей!..

Такъ вотъ какой „транспортъ“ отправляли осажденной и голодающей крѣпости!..

Насъ всѣхъ предали суду:

„За растрату казеннаго груза въ пути“.

Выходило, что мы въ открытомъ морѣ прода-

вали снаряды, вѣсь которыхъ, какъ, напимѣръ, двѣнадцатидюймового — нѣсколько десятковъ пудовъ!

Весь офицерскій составъ вызывали къ морскому судебному слѣдователю...

Допрашивали...

А потомъ?.. Потомъ все это дѣло кануло въ Лету...

Насъ никто послѣ не тревожилъ, и этимъ дѣломъ никто, кажется, не тревожился...¹⁾

Такъ мы „ходили“ въ Артуръ!..“

А что если бы этотъ транспортъ счастливо добрался до осажденной крѣпости до ея паденія, гдѣ такъ нуждались въ каждомъ снарядѣ и удовольствіи, можно представить, какимъ добрымъ словомъ помянули бы осажденные своихъ соотечественниковъ, такъ участливо о нихъ позаботившихся присылкой... камня вмѣсто хлѣба...

Дѣйствительно, „бывали хуже времена, но не было подлѣй“.

¹⁾ Интересующихся окончаніемъ этого „дѣла“ направляю къ положенной на немъ резолюціи.

9-го октября.

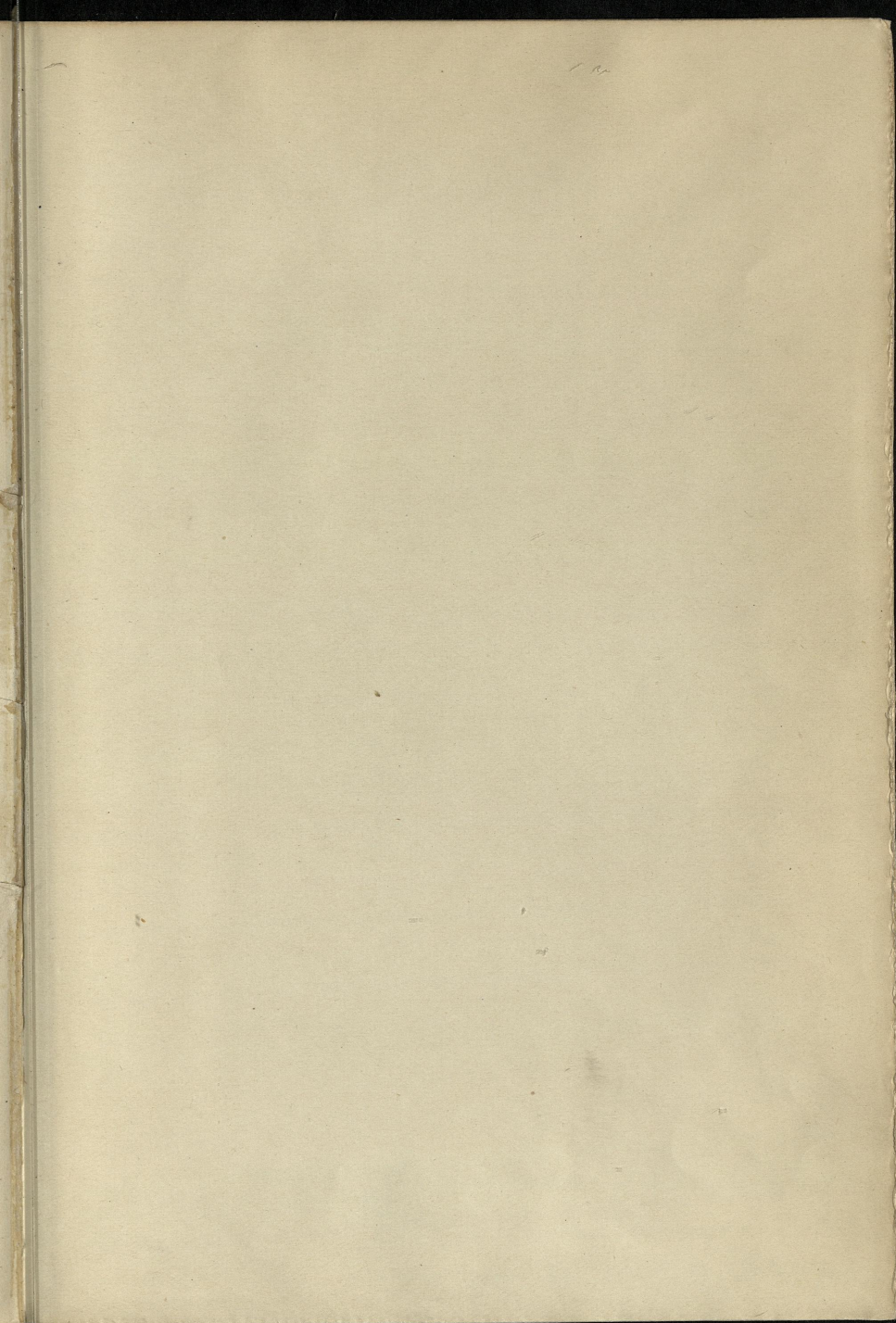
Мѣсяца два назадъ прислали сюда еще одну „подводную лодку“ отечественной постройки.

Изобрѣтатель ея—нашъ морской офицеръ.

По испытаніи этой лодки, получившей среди команды, кстати сказать, то же прозвище, какое имѣлъ и начальникъ нашего отряда, т.-е. „Черимсъ“, выяснилась ея полная непригодность не только для военныхъ цѣлей, но и самого обыкновеннаго подводнаго плаванія, такъ какъ оказалось что она привезена сюда безъ какихъ-то особыхъ „приспособленій для нырянія“, да и кромѣ того безъ специальныхъ минъ, которыя къ тому же, насколько хорошо извѣстно, не будутъ даже и присланы, такъ какъ, кажется, еще не изобрѣтены...

Поэтому съ нея сняли керосино-моторъ, который установили на... обыкновенный портовый буксирный катеръ, а лодку снова погрузили на берегъ, гдѣ она, несомнѣнно, и останется догнивать свой вѣкъ...

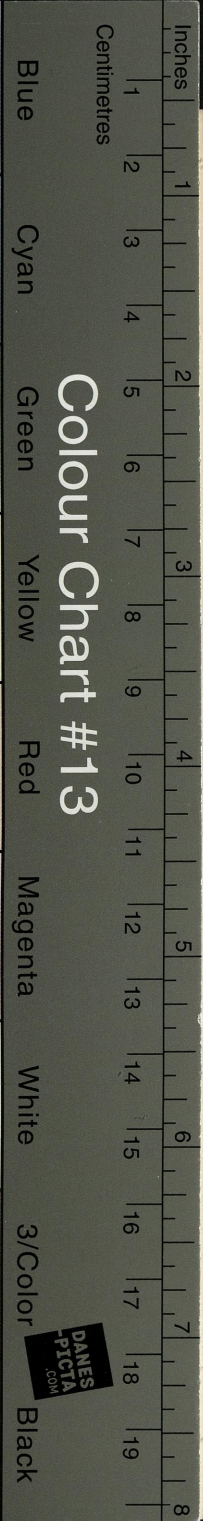
КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

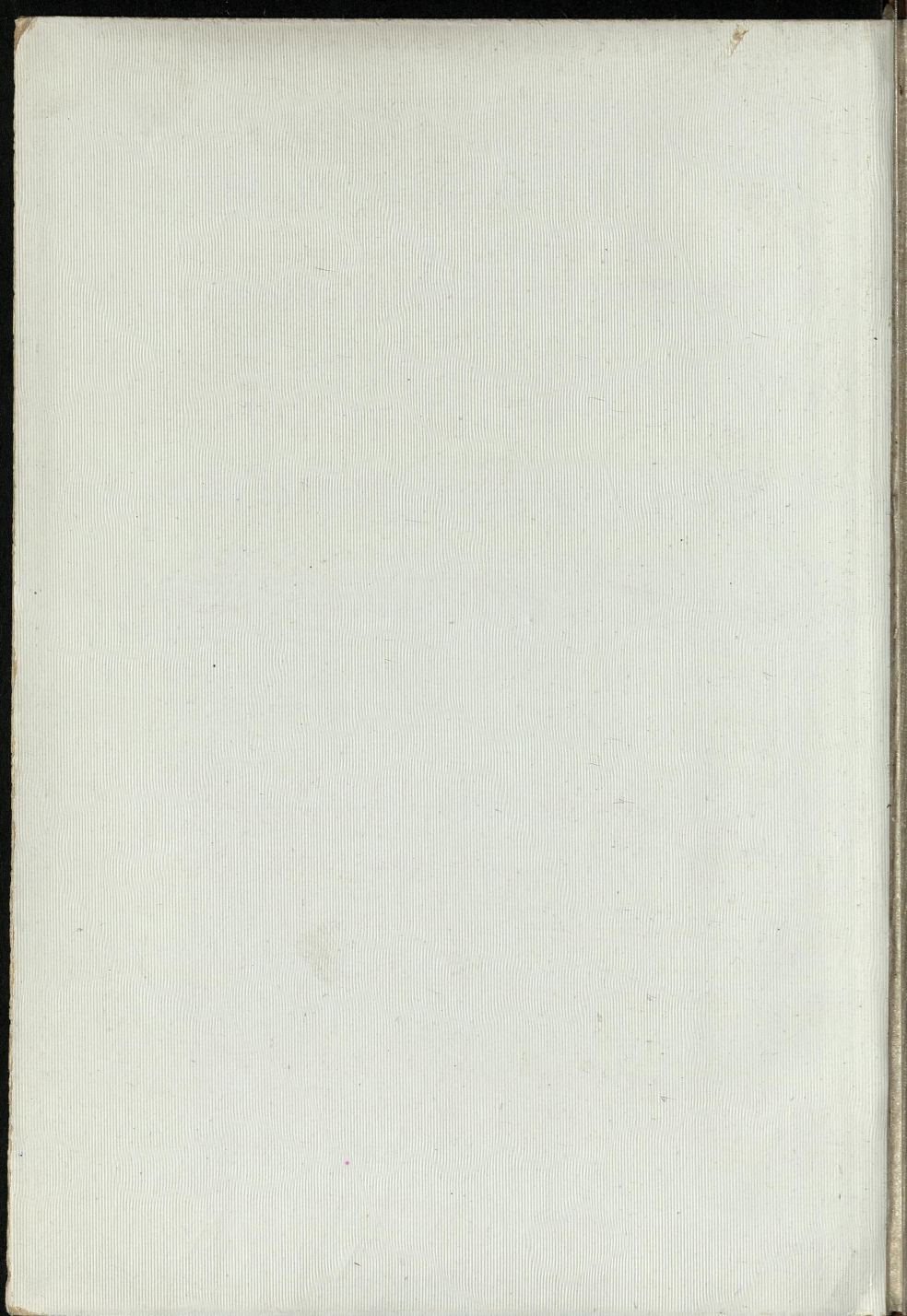
THE END OF THE WORLD

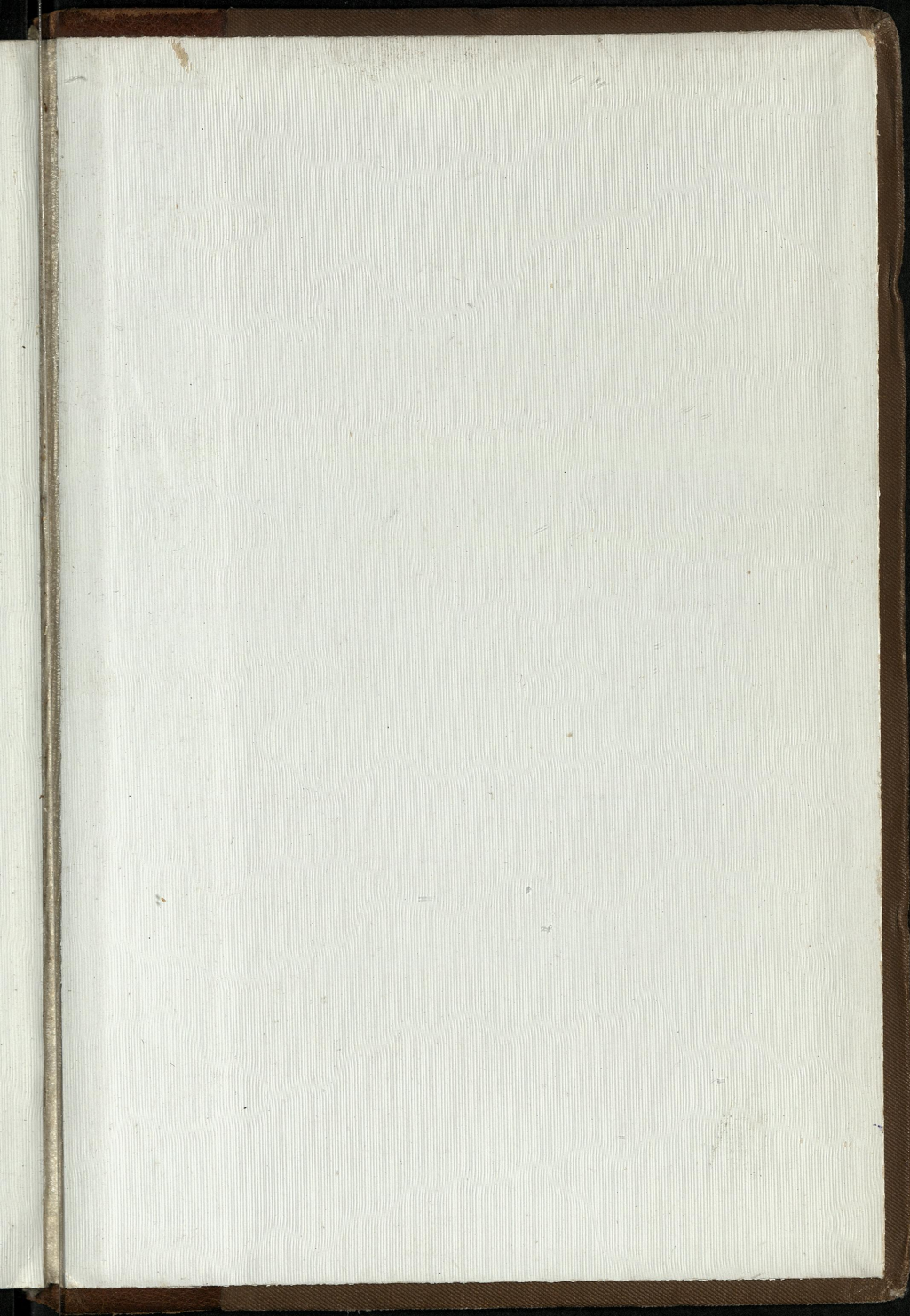
Курса почиту и рениу № 866
 $\frac{23}{x}$ 1912 г. Уср. Рачуна. и Мн -
иусперембе Умн. Јавра.

ny nrenin? #866
Kanyen. Am -
Uinn. Iapra

DANES
-PICTA
.COM

2014104378